

ПОХОДНЫЯ ЗАПИСКИ

О ВАМПАНИИ 1864 ГОДА ПРОТИВЪ ПОЛЬСКИХЪ МЯТЕЖНИКОВЪ.

(Окончѣніе).

XII (*).

Богатый историческими событіями, 1863 годъ окончился. Мы—говорить одинъ изъ современниковъ—начали его надеждами, провели въ тревожной борьбѣ, и вотъ, окончивая, сдаемъ эти надежды, тревоги и борьбу будущему году.

Но борьба длиться долго не можетъ. Силы инсуреціи уже истощились и положеніе дѣлъ, видимо, измѣняется къ лучшему, благодарн энергіи нѣкоторыхъ лицъ, ставшихъ во главѣ новаго управленія (**). Ихъ административная дѣятельность приноситъ благодѣтельные результаты, разрушая надежды и иллюзіи поляковъ. Починъ сдѣлало духовенство, которое вдругъ начало держать себя гораздо скромнѣе и благоразумнѣе. Сперва епископъ плецкій, а за нимъ и всѣ остальные епископы, кромѣ варшавскаго, объявили церковный трауръ, наложенный, послѣ ссылки Фелинскаго, уничтоженнымъ (***). Они убѣ-

(*) См. „Военный Сборникъ“ 1867 г., №№ 8—11, 1868 г., №№ 3, 11—12, 1869 г., №№ 6—7 и 1870 г., № 1.

(**) Въ это время, все Царство Польское было раздѣлено, въ военно-полицейскомъ отношеніи, на девять главныхъ отдѣловъ; отдѣлы дѣлились на уѣзды, уѣзды на участки и въ каждый назначенъ былъ особый военный начальникъ. Мельховскій и Олькушскій уѣзды, отдѣленные отъ Радомской губерніи, составили особый округъ, подъ управленіемъ святы Его Величества генераль-маіора князя Шаховскаго, которому, по примѣру другихъ главныхъ начальниковъ, были присвоены права генераль-губернатора.

(***) Говорять, что причиною медленности варшавскаго епископа былъ тотъ же Фелинскій, который нашелъ, что снятіе траура, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, когда правительство открыто начинаетъ преслѣдовать духовенство, было бы мѣрою

длись, что длить манифестацію было и бесполезно, и не безопасно, потому что въ результатѣ выходило совсѣмъ не то, чего они ожидали. Въ самомъ дѣлѣ, какъ только богослуженіе, совершаемое на непонятномъ народу латинскомъ языкѣ, лишилось внѣшняго блеска, крестьяне отшатнулись и перестали посѣщать костелы.

Чтобы выйти съ честью изъ столь затруднительнаго положенія, сваливъ притомъ вину на русскія власти, варшавскій капитуль придумалъ обратиться въ намѣстнику съ просьбою позволить ему, по случаю какого-то праздника, звонить въ колокола. Расчетъ не удался. Намѣстникъ выслушалъ просьбу, но предоставилъ самимъ есендзамъ звонить или не звонить, какъ знаютъ: словомъ, кончить всю эту комедію такъ же, какъ начали. Капитуль немного сконфузился, однако, послѣ столь категорическаго отвѣта, другого выхода не было, и потому, въ одно прекрасное утро, варшавскія улицы огласились торжественнымъ, давно несслыханнымъ благовѣстомъ.

Другая причина, наиболѣе способствовавшая успѣху мятежа—преступное поведеніе нѣкоторыхъ правительственныхъ чиновниковъ—была отстранена тѣмъ, что большинство ихъ было удалено изъ службы и они лишились возможности прямо или косвенно вредить нашему дѣлу.

Мало того: все католическое духовенство, помѣщики, шляхта, даже цѣлые города и мѣстечки обложены были большою контрибуціею, сообразною съ той, которую они платили мятежникамъ. По этому расчету, нашимъ богоспасаемымъ Къльцамъ велѣли внести одновременно двойную сумму годичной подымковой и шарваржовой подати, да еще объявили, что если контрибуція не будетъ уплачена въ срокъ, то взыщется посредствомъ военной экзекуціи, со штрафомъ отъ 25 до 30 процентовъ.

Работы по устройству въ лѣсахъ широкихъ дорогъ и просѣкъ, въ родѣ кавказскихъ, шли весьма успѣшно и дѣятельно; торопились окончить ихъ къ веснѣ, что бы лишить инсургентовъ возможности опять наносить нашимъ войскамъ чувствительныя потери, скрываясь въ тущобахъ, недоступныхъ ни артилеріи, ни кавалеріи. Вырубка лѣса предоставлена самимъ владѣльцамъ, а въ случаѣ отказа ихъ—крестьянамъ, съ тѣмъ, чтобы срубленные деревья оставались въ пользу послѣднихъ, подъ условіемъ своевременной вывозки ихъ и очищенія лѣса. Для ускоренія же работъ и охраненія крестьянъ отъ нападеня неблагоуразумною, и рѣзко осуждалъ тѣхъ, которые возобновили въ своихъ старшихъ колокольный звонъ, кани и игру на органахъ.

ній непріятеля, высылались на мѣсто рубки небольшіе стряды пѣхоты (*).

Въ то же время, по примѣру сѣверо и юго-западнаго края, учреждены были въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сельскіе караулы, которые обязывались осматривать всѣхъ проѣзжающихъ, наблюдать за безопасностію окрестныхъ дорогъ, а въ случаѣ появленія шаекъ оборонять самое селеніе, извѣщая ближайшія войска о нападеніи и силѣ инсургентовъ. Это послѣднее распоряженіе въ особенности не нравилось мятежникамъ; они употребляли всѣ средства отклонить крестьянъ отъ точнаго исполненія такой обязанности. Вотъ что писалъ, между прочимъ, въ одной изъ своихъ прокламацій, начальникъ Ольгущскаго повята:

«Московское правительство призываетъ васъ, братья родани, къ захватыванію и истребленію вашихъ соотчичей, которые, съ оружіемъ въ рукахъ, отстаиваютъ свою и вашу свободу. Народовый жондъ есть единственная законная власть, которой страна обязана повиноваться. Жондъ, начиная борьбу съ москалями, прежде всего подумалъ о томъ, что бы доставить вамъ и вашимъ потомкамъ наибольшія выгоды: онъ уволилъ васъ навсегда отъ платежа чиншей; онъ будетъ слѣдить за вами, заботиться о васъ, защищать ваши дома и семейства отъ грабежей, насилій и убійствъ ненавистой Москвы; онъ же съумѣетъ и наказать тѣхъ, которые, помогая врагамъ, сдѣлались бы измѣнниками и предателями родныхъ братій»....

Воззваній и прокламацій подобнаго содержанія ходило много; но онѣ уже не производили на крестьянъ прежняго впечатлѣнія, потому что жондъ не располагалъ достаточной матеріальной силой, чтобы поддержать свои требованія и заставить повиноваться ослушниковъ. При каждомъ извѣстіи о формированіи шайки, мѣстные военные начальники тотчасъ принимали мѣры къ ея открытію и войска день и ночь двигались по разнымъ направленіямъ. Тамъ и сямъ происходили стычки, инсургенты гибли, но возстаніе, раздробившееся на безконечное число малыхъ разбойничьихъ шаекъ, потухало медленно.

Въ началѣ января, гдѣ-то въ Стопницкомъ уѣздѣ, переправилась черезъ Вислу значительная банда. Она была достигнута и разбита войсками между Конецъ-Полеми и Житномъ; но часть ея, бросившись на западъ, успѣла испортить варшавскую желѣзную дорогу....

Хотя появленія заграничныхъ партій надо было ожидать съ тѣхъ

(*) Направленіе проѣзжъ зависѣло отъ военныхъ начальниковъ и опредѣлялось преимущественно обезпеченіемъ сообщеній между важнѣйшими стратегическими пунктами.

поръ, какъ начались морозы, и Висла, покрытая льдомъ, перестала служить препятствіемъ для переправы, однако извѣстіе объ этомъ произвело на всѣхъ самое тяжелое впечатлѣніе: надлежало ожидать, что слѣдомъ за первою шайкою будутъ другія, и что военныя дѣйствія, по примѣру прошлаго года, примутъ опять серьезные размѣры.

Дѣйствительно, 6-го января, въ самый день Крещенія, когда войска, распущенныя послѣ церковнаго парада, съ музыкою и пѣснями расходились по своимъ казармамъ, въ городѣ пронесся тревожный слухъ, будто одинъ изъ нашихъ отрядовъ, дѣйствовавшихъ въ Опатовскомъ уѣздѣ, понесъ поражение. Говорили, что инсургенты, по слѣдамъ его, штурмовали Илжу, но были отбиты. Потери наши, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, преувеличивали до огромной цифры и называли въ числѣ убитыхъ полковника Сухонина и одного изъ ротныхъ командировъ.

Илжинское дѣло, дѣйствительно, принадлежитъ къ тѣмъ загадочнымъ дѣламъ, о которыхъ трудно получить какія-нибудь свѣдѣнія. Сужденія очевидцевъ обыкновенно бываютъ пристрастны, а реляція даетъ только фактъ, не занимаясь отдѣлкою подробностей, сообщающихъ извѣстную фізіономію тому или другому бою. Но если мы стали бы внимательнѣе присматриваться къ подробностямъ, то передъ нами, можетъ быть, явилась бы картина иного вида, въ которой тѣни преобладали бы надъ розовымъ колоритомъ.

Сущность илжинскаго дѣла заключалась вотъ въ чемъ:

Военный начальникъ Опатовскаго уѣзда, полковникъ Сухонинъ, съ двумя ротами Смоленскаго полка, шелъ по дорогѣ изъ Бродовъ къ Любени. Экспедиція была предпринята съ административною цѣлью, по той причинѣ, что объ инсургентахъ давно уже не было никакихъ извѣстій, а потому и роты имѣли подъ ружьемъ, въ совокупности, не болѣе 180 человекъ. Между тѣмъ, 5-го января, не доходя трехъ или четырехъ верстъ до Любени, отрядъ внезапно увидѣлъ передъ собою сильную банду, которая, выдвинувшись изъ лѣса, тотчасъ же повела на него стремительную атаку. Бой завязался жаркій. Подъ энергическимъ натискомъ непріятеля, дравшагося, какъ говорятъ очевидцы, съ небывалымъ мужествомъ, роты скоро разстроились и вынуждены были начать отступленіе.... Направленіе взято было ими на Илжу, городокъ Радомской губерніи.

Въ исторіи Илжи преобладаетъ элементъ трагическій: ее громили татары, и громили такъ, что жители до сихъ поръ еще именуютъ дорогу, ведущую отсюда на Краковъ, дорогою Батыя; ее разоряли и русскіе, и шведы, грабили собственные конфедераты, искавшіе совровищъ

даже въ могиллахъ; истребляли ее, наконецъ, пожары. Латинская надпись, сохранившаяся на камнѣ, внутри одного изъ костеловъ, сравниваетъ одинъ изъ такихъ пожаровъ, бывшій въ половинѣ прошедшаго столѣтiя, съ знаменитымъ разрушенiемъ Трои. Самое названiе города произошло, какъ говорятъ, отъ того, что сынъ владѣтельницы мѣстечка, какой-то князь, засмотрѣвшись на городъ съ высокой башни, упалъ и убитъ до смерти. Въ память этого-то горя, несчастная мать назвала свой замокъ: Jej Iza (ея слеза), отчего впоследствии и образовалась Илза. Другiе же, менѣе склонные вѣрить поэтическимъ преданiямъ, утверждаютъ просто, что названiе Илзы произошло отъ илистаго окрестнаго грунта.

Самый городъ, состоящiй изъ небольшой площади, съ неизбѣжною готическою ратушею, да изъ нѣсколькихъ улицъ, расходящихся радиусами, лежитъ у подножiя крутой известковой горы (Замкова-гура), увѣнчанной развалинами стариннаго замка. Тутъ же, по лѣвому берегу рѣчки, идетъ почтовая дорога изъ Радома въ Опатовъ. Замокъ съ домовою каплицею, превосходной архитектурной отдѣлки, построенъ былъ, какъ говорятъ, въ XV вѣкѣ Яномъ-Градомъ, епископомъ краковскимъ, который обнесъ городъ каменной стѣной и башнями. Отъ всего этого теперь, разумѣется, остались однѣ развалины, неимѣющiя въ военномъ отношенiи никакого значенiя.

Когда Сухонинъ, тѣснимый со всѣхъ сторонъ непрiателемъ, достигнулъ Илжи, здѣсь уже знали о появленiи шайки, и военный начальникъ распорядился отправить къ нему на помощь роту Могилевскаго полка, которая, къ сожалѣнiю, двинулась къ Любени и, такимъ образомъ, разойдясь съ нашимъ отрядомъ, бесполезно ослабила гарнизонъ въ минуту крайней необходимости, когда инсургенты готовились, по нашимъ свѣдамъ, къ приступу (*). Вскорѣ полковникъ Сухонинъ, распорядившiйся обороною, получилъ смертельную рану. Команду послѣ него принялъ поручикъ Воротницкiй. Онъ отразилъ нападенiе, но, разумѣется, не могъ преслѣдовать непрiателя, что, какъ полагаютъ, могла-бы исполнить рота Могилевскаго полка, ходившая къ Любени; но она промедлила, упустила время и видѣла только, какъ говорится, хвостъ уходившаго непрiателя.

Съ нашей стороны, въ продолженiе пятичасоваго боя, кромѣ полковника Сухонина, смертельно раненъ подпоручикъ Алексѣевъ (**),

(*) За высылкою роты, въ Илжѣ осталось не болѣе сорока человекъ Могилевскаго полка, подъ командою майора Суханова.

(**) Полковнику Сухонину и подпоручику Алексѣеву сдѣланы были въ тотъ же день ампутаціи: первому отняли ногу, второму руку; но оба они не пережили

убито 5 нижних чиновъ и ранено 11. По собраннымъ, впоследствіи, свѣдѣніямъ оказалось, что шайка состояла изъ тысячи чело-вѣкъ, предводимыхъ Рембайлою, и сформировалась, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, изъ остатковъ прежде разбитыхъ бандъ и галицкихъ поляковъ, прибывавшихъ къ ней то поодиночкѣ, то небольшими партіями, подъ командою австрійскихъ и венгерскихъ офицеровъ.

Существованіе этой банды было однако непродолжительно.

Какъ только въ Радомѣ получили извѣстіе, что инсургенты штурмовали Илжу, оттуда тотчасъ высланы были двѣ роты и эскадронъ екатеринославцевъ, подъ командою полковника Аленича, который присоединилъ къ себѣ по дорогѣ еще двѣ роты Смоленскаго и двѣ роты Могилевскаго полковъ, находившіяся въ Илжѣ и въ Липскѣ. Собравъ, такимъ образомъ, довольно значительный отрядъ и узнавъ, что лагерь мятежниковъ находится подъ Ратковицами въ густомъ лѣсу, называемомъ «Остре-Гурки», Аленичъ тотчасъ пошелъ впередъ и подѣ вечеръ 8-го января напалъ на непріятеля такъ неожиданно, что повстанцы не успѣли даже приготовиться къ оборонѣ. Глубокіе рвы и засѣки, окружавшіе позицію, не удержали пѣхоты: ворвавшись въ лагерь, она произвела такую рѣзню, о которой повстанцы долго вспоминали съ ужасомъ. Масса убитыхъ и раненыхъ, оставленныхъ на мѣстѣ свалки, и множество тѣлъ, разбросанныхъ въ лѣсу, повсюду, куда бѣжали только инсургенты, краснорѣчиво говорили о совершенномъ истребленіи шайки. Съ нашей стороны, благодаря внезапности и быстротѣ удара, убиты были только двое нижнихъ чиновъ и пятеро ранены.

На трупѣ одного изъ убитыхъ повстанцевъ нашли бумаги, адресованныя на имя Рембайлы, и его-же патентъ на чинъ полковника, пожалованный ему жондомъ въ концѣ минувшаго года. Отсюда заключили, что Рембайло былъ убитъ; но вскорѣ оказалось, что онъ бѣжалъ въ Люблинскую губернію и добровольно явился въ крѣпость Замостье, къ генераль-маіору Костандѣ, который немедленно телеграфировалъ объ этомъ въ Варшаву. Добровольная явка одного изъ начальниковъ, столь прославленнаго революціонною печатью, была чрезвычайно важна въ моральномъ отношеніи, показавъ повстанцамъ невозможность дальнѣйшей борьбы, когда и тѣ, на которыхъ жондъ возлагалъ все упованіе, спѣшать, добровольною сдачею, облегчить тяжесть ожидаемаго наказанія. Дальнѣйшую судьбу Рембайлы (въ переводѣ «рубака»), долго содержавшагося въ Александровской ци-

операціи: Сухонинъ скончался черезъ нѣсколько часовъ въ Илжѣ, а вслѣдъ затѣмъ въ Радомѣ умеръ и Алексѣевъ.

тадежъ, мы упустили изъ виду и знаемъ только, что подъ псевдонимомъ его, какъ оказалось, скрывался нѣкто Адамъ Кошка, оставшой подлоручникъ Сибирскаго пѣхотнаго полка.

Одновременно съ дѣйствіями полковника Аленича подъ Острой-Гуркой, изъ Вальце выступилъ отрядъ, сепровеждавшій майора Буткевича, назначеннаго въ Опатовъ военнымъ начальникомъ на мѣсто, умершаго отъ ранъ, полковника Сухонина. 9-го января, подходя къ Васневу, драгуны (*) открыли пѣшую банду и, послѣ сильной перестрѣлки, когда мятежники начали отступать тремя колоннами, пошли въ атаку. Они ударили на крайнюю толпу и смѣшали ее такъ быстро, что, потерявъ одного драгуна раненымъ (**), сами изрубили одиннадцать человекъ, четырнадцать ранили и пятнадцать взяли въ плѣнъ; но пока эта колона гибла подъ ударами драгуновъ, остальные двѣ, пользуясь благопріятною минутою, успѣли отступитъ и скрытись въ близъ-лежащемъ лѣсу. Подоспѣвшая пѣхота захватила еще нѣсколько человекъ, показанія которыхъ обнаружили, что шайка состояла изъ двухъ сотъ человекъ, подъ предводительствомъ Домбровскаго, и слѣдовала на соединеніе съ Рембайломъ, еще не зная о пораженіи его подъ Острой-Гуркой (***) .

Въ Опатовѣ Буткевичъ прежде всего спѣшилъ ознакомиться съ положеніемъ края, и узналъ вещи далеко неутѣшительныя. Всѣ показанія лазутчиковъ, дѣлаемые въ послѣднее время, были переполнены свѣдѣніями о новой организаціи вооруженныхъ силъ повстанцевъ, которые, съ каждыиъ днемъ, принимали все болѣе и болѣе широкіе размѣры. По рукамъ ходили прокламаціи Боссака. Чтобы познакомиться съ характеромъ ихъ, мы приведемъ одну, наиболѣе распространенную между крестьянами, которымъ сулились въ ней чуть не золотыя горы.

«Ludy Polskil—такъ начиналъ возваніе начальникъ вооруженныхъ силъ Браковскаго, Сандомирскаго и Калишскаго воеводствъ, обращаясь къ народу: «Ludy Polskil! Уже три мѣсяца, какъ я, находясь между вами, убѣждаюсь все болѣе и болѣе, что тѣ, которые въ началѣ возстанія не хотѣли вѣрить въ возможность освобожден-

(*) Это былъ полускадронъ новоросійцевъ, подъ командою капитана Щербинскаго.

(**) Кромѣ этого радоваго, вскорѣ умершаго, ранены еще четыре лошади.

(***) Остатки этой шайки долго еще скрывались въ Опатовскомъ уездѣ, но, тѣснимые со всѣхъ сторонъ высланными отрядами, бросились на западъ къ варшавской желѣзной дорогѣ, гдѣ были встрѣчены ротой Тобольскаго полка, разбиты вторично и потеряли убитымъ своего предводителя.

ніа отчизны, теперь убѣждаются въ томъ, что Богъ благословилъ наше святое и правое дѣло.

«Съ голыми руками возстали мы противъ непріятеля во сто разъ сильнѣйшаго. Годъ длится борьба, и въ это тяжкое время горсть нашихъ храбрецовъ противостояла всѣмъ усиліямъ московскихъ полчищъ, не останавливавшихся ни передъ какими варварскими средствами.

«Теперь наши силы все болѣе и болѣе увеличиваются.

«Народъ! Братья редаки! Иначе не могло быть, потому что Богъ помогаетъ тѣмъ, кто стоитъ за правое дѣло, а наше дѣло правое! Мы подняли оружіе, чтобы возвратить отечеству его независимость. Не потерпимъ же долѣе, чтобы московскія орды топтали нашу святую землю!

«Успѣхъ несомнѣненъ, потому что возсталъ народъ, а воля народа есть воля Божія. Возсталъ народъ, а въ головѣ его жондъ народовой!

«Rodacy! во время тяжкаго ига, мы, какъ иытари, терзаясь раскаяніемъ, били себя въ грудь, сознавъ, что наши пороки, наши несогласія и усобицы были причиною порабощенія нашего отечества. И вотъ, чтобы положить основу благоденствія родины, возстановить въ ней правду и утвердить за нею на вѣчныя времена свободу, народовой жондъ даруетъ равноправность всѣмъ, кто принадлежитъ къ великому польскому семейству.

«Нѣтъ болѣе ни пановъ, ни хлоповъ! Есть только одни «обыватели» края. Но чтобы вы, Rodacy, могли съ достоинствомъ нести это почетное званіе, жондъ даруетъ вамъ землю и навсегда освобождаетъ васъ отъ вноса податей и чиншей.

«И такъ, братья-обыватели! Скажу вамъ въ заключеніе еще нѣсколько словъ:

«Въ октябрѣ прошлаго года, я прибылъ къ вамъ въ качествѣ начальника вооруженныхъ силъ Браковскаго, Сандомірскаго и Калишскаго воеводствъ. Съ тѣхъ поръ неразъ вы видѣли меня и вмѣстѣ со мною Хмѣлинскаго, сражавшихся съ горстію поляковъ противъ многочисленныхъ московскихъ полковъ. Вы видѣли, что наши силы росли; видѣли также и то, что я, полный довѣрія къ вамъ, отдался вашему попеченію. Я не ошибся!

«Братья-обыватели! я васъ не оставляю до тѣхъ поръ, пока отечество не будетъ свободно. Готовьтесь-же къ бою. Скоро наступитъ время, когда призову васъ къ оружію, чтобы разъ навсегда покончить съ москалями. Возстанемъ дружно и свесемъ съ лица земли

вражьи подчища! Niech żyje Polska! Niech żyje жондъ народный!»

Въ другой прокламаціи, принадлежавшей, по видимому, духовному лицу, говорилось безъ всякихъ затѣй: «Братья! берите—ка оружіе, бейте и истребляйте москалей какъ смертоносныхъ змѣй, какъ ядовитыхъ гадюкъ, какъ дьяволовъ, вѣчныхъ враговъ Бога и человѣчества!...

Это былъ уже крикъ какого-то безумнаго фанатизма, но въ немъ, какъ и въ возваніяхъ Боссака, именованнаго теперь не просто генераломъ, а «генераломъ—обывателемъ», слышалась одна и таже мысль: привлечь къ себѣ крестьянъ, которые съ явнымъ недоверіемъ смотрѣли на новыя приготовленія мятежниковъ. Время, дающее опытъ, выработало въ крестьянахъ убѣжденіе, что освободить ойчизну посредствомъ горсти людей — какинъ-бы самоотверженіемъ она ни обладала—нѣтъ ни малѣйшей возможности. И народовой жондъ, понимая это лучше, нежели кто нибудь, старается напустить туманъ преувеличенными распоряженіями о переорганизаціи своей вооруженной силы. Онъ объявляетъ во всеуслышаніе, что поляки бились до сихъ поръ только партизанскими отрядами, силу которыхъ москва извѣдала; но москва не знаетъ еще всей силы поляковъ въ войнѣ регулярной, когда войска найдутъ опору въ массахъ сельскаго населенія. Въ этихъ видахъ изданы были новыя положенія, по которымъ каждый пѣхотный и кавалерійской полкъ получалъ названіе по уѣзду, гдѣ формировался. Каждый уѣздъ, выставивъ известное число людей, способныхъ носить оружіе, обязанъ былъ удовлетворить всѣ требованія и распоряженія командировъ полковъ, относительно заготовки оружія, амуниціи и боевыхъ припасовъ. Излишнее снаряженіе могло быть передаваемо и въ другіе полки, но не иначе, какъ по соглашенію между самими командирами или по приказанію высшей военной власти. Сформированные такимъ образомъ полки образовывали дивизіи, а дивизіи соединялись въ корпуса, которыхъ было четыре: одинъ изъ нихъ, 2-й, изъ трехъ дивизій, краковской, самодирской и валишской, порученъ былъ Боссаку; сосѣднимъ корпусомъ, въ люблинскомъ отдѣлѣ, командовалъ Бругъ; доводцы же остальныхъ двухъ, варшавскаго и, кажется, плацскаго, были неизвѣстны. Сформированіе, по крайней мѣрѣ, на бумагѣ, шло очень быстро и революціонныя газеты самымъ трогательнымъ образомъ описывали патетическія сцены расставанія повстанскихъ отдѣловъ, переходившихъ, по случаю переформированія, отъ однихъ доводцевъ къ другимъ. Но заявленіемъ газетчиковъ все и кончалось. Поляки

вскорѣ убѣдились, что написаннаго на бумагѣ войска еще не довольно для того, чтобы истребить мескалей, и что тѣ суммы, которыя казались достаточными для содержанія громадной арміи, по дальнѣйшимъ соображеніямъ едва хватили на прокормленіе шаякъ, бродившихъ по лѣсамъ безъ пристанища. Финансовый кризисъ заставилъ народный жондъ прибѣгнуть даже къ такой рѣшительной мѣрѣ, какъ уменьшеніе жалованья нижнимъ чинамъ, что возбуждало ропотъ и негодованіе волонтеровъ.

Въ этому присоединились усобицы между самими доводцами. Какъ характеристическую черту нравственнаго состоянія тогдашняго польскаго общества, можно привести слѣдующее. Послѣ Рембайлы главнѣйшими помощниками Боссакъ въ Краковскожъ воеводство остались Богданъ и Розенбахъ—оба совершенно неизвѣстные въ исторіи возстанія. Старшимъ изъ нихъ, и вѣроятно способнѣйшимъ, былъ Богданъ: его и потребовали въ Краковъ, чтобы снабдить кое-какими инструкціями, а Розенбахъ, обиженный такимъ предпочтеніемъ, пустилъ въ ходъ извѣстную тактику, т. е. сообщилъ краковской полиціи, что, молъ, въ такой-то день и часъ Богданъ, съ фальшивымъ паспортомъ и съ революціонными бумагами, будетъ находиться на желѣзной дорогѣ. Богдана, конечно, схватили и, по бумагамъ, найденнымъ при немъ, едва не добрались до самого Розенбаха (*).

Когда проектъ сформированія (принимавшійся нѣкоторыми за самое сформированіе) былъ конченъ, и на бумагѣ появились громныя цифры баталіоновъ и эскадроновъ, Боссакъ озаботился назначеніемъ главныхъ начальниковъ. Полковникъ Куровскій, извѣстный въ шутку подъ названіемъ графа Мѣховскаго, получилъ должность начальника штаба и сдѣлалъ краковскую дивизію (которою заведовалъ временно) полковнику Топору, прибывшему изъ сѣверо-западныхъ губерній. Въ Калишѣ дивизією командовалъ полковникъ Коперницкій; сандомірская оставалась вакантною, но на нее, кажется, рассчитывалъ Рудовскій, бывший въ томъ же воеводствѣ начальникомъ 2-го отдѣленія.

Личность Рудовскаго, до извѣстной степени, уже знакома нашимъ читателямъ изъ предъидущихъ разсказовъ. Какъ самовластно распоряжался онъ всѣмъ, что прямо или косвенно подчинялось его вліянію, могутъ служить доказательствами приказы, въ которыхъ нѣтъ и намекъ на то, чтобы стѣсниться въ выраженіяхъ, къ кому бы

(*) Мы не ручаемся за достовѣрность этого факта; но одно то, что о немъ говорили, подтверждаетъ его возможность и свидѣтельствуетъ, до какого нравственнаго упадка дошли тогда польскіе „дowodцы“.

они ни относились. Довольно, по этому поводу, привести слѣдующее истинное происшествіе. Однажды въ партію его требовались кухонныя котлы для варки пищи, и онъ отнесся объ этомъ къ управляющему самоновосими желѣзными заводами. Котлы были присланы, но оказались невылуженными. Тогда Рудовскій отправилъ ихъ назадъ, написавъ, «что присланные «сагаи» могутъ быть употреблены для корма скота, а не людей, и что наде быть самому свиньей, чтобы не понять того, что въ лагерѣ свиней не вымерзливаетъ».

Въ другомъ родѣ представлялась личность Топора. Это былъ офицеръ нашего генеральнаго штаба Жьварждовскій, игравшій одну изъ главныхъ ролей во время литовскаго восстанія. По своему образованію онъ могъ имѣть большое вліяніе на умы окружавшихъ его поляковъ; къ несчастію, равъ сбившись съ настоящей дороги, онъ ознаменовалъ себя такими дѣйствіями, которые отшатнули отъ него даже многихъ изъ его приверженцевъ. Впрочемъ, объ этой личности мы будемъ говорить впоследствии, при описаніи февральскихъ событій.

Что до Коперницаго, то извѣстность его ограничивается скандальными жалобами и интригами противу распоряженій Бессака, которыя будто бы лишали его необходимаго авторитета между своими подчиненными. Жалобы направлены были такъ искусно, что народовой жондъ призналъ, наконецъ, необходимымъ отдѣлить вавшскую дивію отъ 2-го корпуса, поручивъ Бессаку наблюденіе за ея войсками только въ случаѣ какой-нибудь большой военной операціи.

Такия неурядицы и распри между доводцами сплошь и рядомъ случались въ этотъ періодъ польскаго восстанія.

Буткевичъ, встревоженный всѣми этими слухами, обратился въ Радомъ съ просьбою передвинуть отрядъ изъ Лиска въ Островецъ, ближе къ Опатову, и въ то же время вошелъ въ сношеніе съ ижеменичъ отрядомъ, прося его принять участіе въ совокупныхъ дѣйствіяхъ противъ мятежниковъ; но экспедиція не состоялась (*), а между тѣмъ со всѣхъ сторонъ стали приходить вавшскія о появленіи шакель и о непрерывныхъ встрѣчахъ ихъ съ нашими войсками. Наибольшее число стычекъ вышло на долю Кълецкаго уѣзда (**), который сталъ чѣшъ-то въ родѣ втораго Кавказа. «Поневолѣ набе-

(*) Потому что ижеменскій отрядъ выступилъ въ это время въ Радомъ, конвоируя тѣло покойнаго Сухонина.

(**) „Пользуясь случаемъ—говоритъ Бессакъ въ одномъ изъ дневныхъ приказовъ—объявить, во всеобщему свѣдѣнію, что въ имнее время Кълецкій и Опатовскій уѣзды горячо трудились для удовлетворенія всѣхъ нуждъ народоваго войска и своимъ поведеніемъ, въ отношеніи къ восстанію, достойны получить благодарность отечества и потомства, преимущественно передъ другими уѣздами“.

ренъся воинственности, говорить одинъ очевидецъ, когда даже въ дамскихъ кружкахъ только и рѣчи, что о военныхъ дѣйствіяхъ». Каждый день приходятъ слухи о новыхъ стычкахъ, объ убитыхъ и раненыхъ. Площадь всегда занята уходящими и приходящими войсками, которые нерѣдко приводятъ цѣлныя, отбитыя лошадей и привозятъ оружіе. Самая фисіономія города носитъ на себѣ отпечатокъ какой-то особенной воинственности. Если вы выйдете въ поле за радомскую заставу, первое что бросится въ глаза—это небольшой редутъ съ орудіями, жерла которыхъ грозно смотрятъ во все стороны, не забывая и города. Такая предосторожность не лишняя тамъ, гдѣ патрули ходятъ цѣлые дни, а къ вечеру весь городъ окружается цѣнью часовыхъ и кавалерійскими пикетами.

Повидимому, что можетъ быть веселаго при такой обстановкѣ? А между тѣмъ общественная жизнь идетъ своимъ чередомъ и никто не скучаетъ. Молодежь танцуетъ въ собраніяхъ или на вечеринкахъ, которыя устриваются подъ охраною небольшихъ отрядовъ, выставляемыхъ въ это время на площади. Площадь освѣщается иногда разноцвѣтными бенгальскими огнями. По временамъ, передъ домомъ генерала Ченгери, играетъ музыка. Въ городскомъ саду, занесенномъ сугробами, гудяетъ жемчужительно польская публичка. Тамъ, передъ окнами, выходящими изъ городской тюрьмы, часто можно видѣть женщинъ въ траурѣ, сопровождаемыхъ почтенными старичками или монахами. Молодежи что-то невидно. Вся она вышла «до ясу», «до старѣго замку», какъ говорятъ солдаты, или томится въ «винзени» (*), изъ-за рѣшетки которой выглядываютъ кое-когда мрачныя лица узниковъ, или слышатся гимны, распѣваемые подъ аккомпаниментъ какого-нибудь инструмента.

Изъ слуховъ, которые въ послѣднее время ходили по городу, стоитъ упомянуть о томъ, будто-бы Боссакъ раздѣлилъ свой корпусъ на двѣнадцать частей, и каждой приказалъ произвести три тревоги нашимъ войскамъ и четыре разграбленія почты. Такимъ образомъ, горсти повстанцевъ надѣлали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ большого шума. Даже въ Ельце произошла тревога. Однажды, передъ самымъ разсвѣтомъ, съ далешницкаго пикета дали знать, что изъ лѣсу пущена была сигнальная ракета. Дежурныя части тотчасъ поставлены были въ ружье, но не успѣли отправить разъѣздовъ, какъ поднялась другая ракета съ противоположнаго конца города, а за нею третья—опять къ сторонѣ Далешницы. Вышло что-то въ родѣ огненной переключки, показавшей, что нападенія надо ожидать съ двухъ сторонъ.

(*) Тюрьма.

Поэтому на главной гауптвахтѣ ударили тревогу. Три пушечные выстрѣла съ редута возвѣстили войскамъ объ угрожающей опасности. Пѣхота послѣдно заняла главнѣйшіе оборонительные пункты; орудія расположились такъ, чтобы свободно обстрѣливать улицы, а кавалерія вся сосредоточилась на площади. Въ такомъ положеніи войска оставались до самаго утра, когда вернулись развѣзды съ донесеніемъ, что непріятеля нигдѣ не открыто.

На слѣдующій день стало извѣстнымъ, что это забавлялся Рудовскій, который даже сдѣлалъ намъ честь заявить письменно о своемъ присутствіи въ окрестностяхъ города. Представьте общее удивленіе, когда поутру явился солдатъ, присланный въ кѣлецкій госпиталь изъ какого-то дальняго отряда, и объявилъ, что онъ подъ самымъ городомъ былъ схваченъ польскими развѣздами, провелъ цѣлый день въ лагерѣ мятежниковъ и отпущенъ съ тѣмъ, чтобы доставить письмо предводителя къ нашему генералу. Въ этомъ письмѣ, возбудившемъ, конечно, общій интересъ, Рудовскій писалъ, что солдатъ, посланный на обывательской подводѣ, безъ всякаго конвоя, задержанъ былъ его молодцами, и притомъ, чтобы «*rap general pozwolił zrobić sobie uwagę ze przeselanie u taki sposób jest bardzo niebezpiecznie*» (*).

Въ отвѣтъ генералъ распорядился послать отрядъ туда, гдѣ, по словамъ солдата, стоялъ непріятель; но какъ ни торопились казаки, они нашли на мѣстѣ расположенія мятежниковъ только догоравшіе костры, да нѣсколько патроновъ и вещей, брошенныхъ за совершенною негодностію.

Вообще, въ то время, когда другія шайки терпѣли болѣе или менѣе сильныя пораженія, Рудовскій счастливо избѣгалъ столкновенія съ нашими войсками.

Въ теченіе одного мѣсяца (со времени васневскаго дѣла), въ Радомской губерніи произошло шестнадцать стычекъ: разбиты были партіи Вагнера, Биллиарда, Донизевича, Высоцкаго, Турскаго, Шароля, Гурскаго, Пивницкаго, Кживды, Гансовскаго и Данишевскаго; но Рудовскаго между ними не было. Изъ всѣхъ этихъ стычекъ, стоившихъ намъ одного человѣка убитымъ, да трехъ офицеровъ и тринадцати нижнихъ чиновъ ранеными, мы назовемъ важнѣйшія:

3-го января, майоръ Серватовскій, узнавъ, что банда, въ числѣ трехъ сотъ человѣкъ, подъ начальствомъ Донизевича, прошла къ

(*) Т. е.: „Ваше превосходительство позволите сдѣлать себя замѣчаніе, что пересылка людей по такому способу далеко небезопасна“.

Мамошину, настигнувъ ее съ ротою Витебскаго полка (*) въ фольваркѣ Рогачевѣ и послѣдовательно овладѣвъ тремя довольно крѣпкими позиціями.

Черезъ нѣсколько дней, Полоцкаго полка капитанъ Опонинскій открылъ другую шайку, стоявшую въ лѣсу около Пшесухи, и взялъ приступомъ лагерь, укрѣпленный застѣнами и завалами.

Почти въ то же время, сорокъ казаковъ Донскаго № 12-го полка (**), подъ командою есаула Махина, наткнулись въ д. Щеглицкой (между Олатовымъ, Климантовымъ и Иванисскомъ) на соединенныя партіи Высоцкаго и Турскаго, простиравшіяся до 140 человекъ. Немного думая, казаки сами бросились на непріятеля, который, въ паническомъ страхѣ, бѣжалъ черезъ лѣсъ къ д. Деморадзице. Тамъ партіи остановились, но казаки налетѣли съ такимъ ужаснымъ гикомъ, что повстанцы опять повернули назадъ и, въ послѣдовавшей схваткѣ, потеряли обоихъ предводителей ранеными. Съ нашей стороны, къ общему сожалѣнію, раненъ былъ храбрый есауль Махинъ.

Затѣмъ отрядъ маіора Пашенки, напавъ, 25-го января, въ дер. Якубовицахъ (близъ Дѣлошицы) на конную шайку Биллиарда, совершенно ее уничтожилъ и взялъ въ плѣнъ самого предводителя.

Въ ту же самую ночь, почти на другомъ концѣ Радомской губерніи, около Звоенскихъ лѣсовъ, уничтожена была другая конная шайка, расположившаяся попить въ корчмѣ и застигнутая въ ней легучимъ отрядомъ, высланнымъ изъ Зволена, подъ командою прапорщика Шилова и сотника Петрова (**).

Партизаны Ассіева, время отъ времени покидавшіе Радомъ для своихъ отважныхъ походовъ, имѣли также два весьма удачныя дѣла: разъ, 26-го января, близъ Гловачова, гдѣ они напали на шайку Пивницкаго, состоявшую изъ 230 человекъ; въ другой разъ, около дер. Боровой, гдѣ Ассіевъ настигнувъ конную шайку Данишевскаго, вышедшую изъ Зволенскаго лѣса, и разгромилъ ее такъ, что спас-

(*) Еще въ концѣ мѣнушаго года, послѣ большой экспедиціи, окончившейся разбитіемъ Хмѣлинскаго и Ледо, полки 10-й пѣхотной дивизіи были расположены по линіи варшавской желѣзной дороги, а на мѣсто ихъ прибыли: *Витебскій полкъ*, авиншій *квартиры Колюманскаго*, и *Полоцкій*, расположившіеся тамъ, гдѣ стояли тобольцы. Такимъ перемѣщеніемъ выиграно было то, что вся 7-я пѣхотная дивизія сосредоточилась въ Радомской губерніи, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ своего начальника, генераль-лейтенанта Ушакова, который, въ то же время, былъ и начальникомъ Радомскаго военнаго отдѣла.

(**) Полкъ этотъ составлялъ себя, подъ командою храбраго полковника Валусова, громкую извѣстность.

(***) Отрядъ состоялъ изъ 16 драгунъ Екатеринославскаго полка и 17 донскихъ казаковъ

лось не болѣе пяти человекъ. Партизаны взяли много оружія и 30 лошадей (*).

Но особенно обратило на себя вниманіе молодецкое дѣло Занкисова (**), случайно завернувшего къ намъ изъ Варшавской губерніи съ сотнею кавказскихъ линейныхъ казаковъ. Занкисовъ пользовался въ то время огромною популярностью, какъ партизанъ, отъ котораго до сихъ поръ не ускользала ни одна шайка, лишь бы имѣлось о ней какое-нибудь извѣстіе. Удивляться этому нечего, потому что подъ начальствомъ Занкисова были такіе казаки, которыми Царство Польское не могло предложить ничего, чего бы они не знали и не видѣли прежде. Прибавьте къ тому личную неустрашимость Занкисова, и вы получите вѣрное понятіе о томъ, во что обходилась повстанцамъ каждая встрѣча съ нашими линейцами. Собираясь въ бой, Занкисовъ одѣвался по праздничному: драгоценное оружіе сверкало серебромъ и золотомъ; бѣлый огромный папахъ, бѣлая черкеска, бѣлый знаменитый скакунъ и, въ заключеніе всего, бѣлый значекъ, не отстававшій отъ него ни на шагъ во время самаго жаркаго боя (***). Кто, изъ служившихъ въ Царствѣ Польскомъ не слыжалъ разсказовъ про этого бѣлаго всадника, наводившаго суевѣрный страхъ на самыя лучшія банды?...

Занкисовъ явился въ Радомскую губернію неожиданно, негаданно. Онъ вышелъ изъ Варшавы 28-го января, и преслѣдовалъ шайку, которая, за три дня передъ нимъ, прошла черезъ Буду-Августовскую. Хотя слѣды были очень старые, однако рѣшились довольствоваться и ими, тѣмъ болѣе, что линейцы способны были выдержать какую угодно быструю скачку. Какъ ни маскировала шайка свои движенія, бросаясь то въ Люблинскую, то въ Радомскую губерніи, отъ линейцевъ отдѣлаться было трудно. Правду сказалъ одинъ полякъ, что эти, на видъ тяжелые, вѣрн одарены легкостью, ловкостью и быстротою хищныхъ птицъ. Въ два послѣдніе дня сдѣлали они 225 верстъ

(*) Остальныя стычки происходили: 7-го января у Евдріева и 9-го у Кія, съ конною шайкою *Ванера*; 9-го же числа, въ окрестности Влоцкой, витебцы разбили конную шайку *Биллиарда*. Затѣмъ 19-го числа хорунжій Косовъ, съ 80 казаками, разбилъ у Водислава шайку *Шероля*, и въ тотъ же день, близъ Малогощи, разбита была конная банда *Кжыеды*; 20 января капитанъ Опошискій имѣлъ верестрѣлану около Пшесука, а 21-го казачій отрядъ (40 ч.) подполковника Зарембы, разбилъ, близъ Илжи, конную партію *Гуржало*.

(**) Войсковой старшина Занкисовъ, имѣя полковникъ, командуетъ Кубанскимъ казачьимъ дивизиономъ, составляющимъ въ Варшавѣ конную главную команду.

(***) Бѣлый конь, бѣлая черкеска и бѣлый папахъ, съ таковыми же верхомъ, предметы особаго щегольства между кавказскими дичатами.

и очутились вондъ Гловачева, почти на хвосту партіи. Здѣсь къ Занкисову присоединился еще взводъ Могилевскаго полка, прибывшій изъ Зволени, подъ командою прапорщика Чмилевскаго, и весь отрядъ остановился на отдыхъ, такъ какъ на слѣдующій день предвидѣлось дѣло.

3-го февраля, подъѣзжая къ Гловачеву, линейцы увидѣли конный разъездъ, а вслѣдъ затѣмъ и цѣлую шайку, выходившую изъ д. Лицы. На глазъ можно было опредѣлить численность ея отъ 200 до 250 человекъ пѣхоты и конницы. Распустивъ значекъ и бросивъ пѣхоту, Занкисовъ во весь карьеръ помчался, чтобы отрѣзать мятежниковъ отъ близъ—лежащаго лѣса. При видѣ бѣлой фѣигуры всадника и несчагоса за нимъ штандарта, шайка нравственно уже была разбита прежде, чѣмъ доскакали до нея линейцы. Напрасно затрещалъ навстрѣчу имъ батальный огонь. Казаки съ пронзительнымъ гикомъ, способнымъ потрясти самыя крѣпкіе нервы, продолжали скакать впередъ и вдругъ ринулись въ кусты, не составлявшіе для ихъ привычныхъ лошадей никакого препятствія. Тогда началась ужасная рубка, рубка, о которой наши кавалеристы не имѣютъ никакого понятія (*). Почти вся пѣхота, застигнутая въ кустахъ, была изрублена. Одинъ повстанецъ, почти въ упоръ выстрѣлившій въ самого Занкисова, бросилъ оружіе; но потомъ, невѣроятнымъ ударомъ сзади, едва не лишилъ его жизни. Къ счастью, Занкисовъ успѣлъ во-время отпарировать штыкъ и отдѣлался легкимъ ушибомъ (**).

Предоставивъ подоспѣвшимъ стрѣлкамъ окончательное уничтоженіе пѣхоты, Занкисовъ пошелъ за кавалеріей. Она была настигнута имъ около колоніи Мушары и съ боемъ преслѣдована на разстояніи 24 версты до д. Маринки, гдѣ оставшіеся въ живыхъ восемь человекъ завязали въ болотѣ и, соскочивъ съ лошадей, побѣжали къ лѣсу. Задавшійся мыслию не выпустить ни одного человека, Занкисовъ спѣшилъ самъ и съ нѣсколькими казаками бросился за ними въ догонку. Изъ восьми человекъ шесть были убиты и два взяты въ плѣнъ, въ томъ числѣ одинъ офицеръ, Вилькошевскій, бывшій воспитанникъ варшавской главной школы.

(*) Намъ самимъ случалось видѣть, какъ солдатъ, заманиваясь съ плеча, наносить ударъ за ударомъ для того, что бы свалить человека съ лошади, тогда какъ одно прикосновеніе череской шапки, нѣвѣющей тонкой обухъ и оттачиваемой какъ бритва, исключаетъ человека изъ списка живущихъ.

(**) Въ томъ же дѣлѣ былъ другой подобный случай: одинъ стрѣлокъ, увидѣвъ въ кустахъ раненаго повстанца, подошелъ къ нему, чтобы помочь, но тотъ выстрѣлилъ изъ ружья и ранилъ солдата въ руку.

Изъ опроса плѣнныхъ оказалось, что шайка эта, собранная за двѣ недѣли изъ остатковъ банды Жихлинскаго (*), состояла подъ начальствомъ Павла Гонсевскаго (**), и должна была соединиться съ другою шайкою, находившеюся подъ предводительствомъ Михальскаго, въ Козеницкомъ лѣсу; но быстрое движеніе Заннисова помѣшало соединенію. Вся потеря мятежниковъ въ схваткѣ съ линейцами состояла изъ ста-десяти человекъ убитыхъ и раненыхъ и пяти плѣнныхъ. Обито было двадцать лошадей и множество оружія, но еще болѣе оружія осталось на полѣ, такъ какъ казаки, при быстромъ преслѣдованіи, не успѣвали снимать его съ убитыхъ.

Съ нашей стороны убитъ былъ храбрый урядникъ Уколовъ пулю изъ виска въ високъ; ранены и контужены самъ Заннисовъ, десять казаковъ, одинъ могилевецъ и четыре лошади.

Появленіе, въ послѣднее время, такого значительнаго числа шайкъ, организованныхъ преимущественно за-границею, легку объясняется осаднымъ положеніемъ Галичины и Кракова, при которомъ все, что было замѣшано въ возстаніи, снѣжало перебираться на нашу сторону, особенно когда морозы укрѣпили на Вислѣ ледъ и не было надобности отыскивать бродовъ, всегда болѣе или менѣе охраняемыхъ русскими войсками. Не имѣя возможности въ одно и то же время оберегать границу и преслѣдовать прорывавшіяся шайки, полковникъ Эвѣровъ просилъ генерала Ченгери командировать къ нему, по крайней мѣрѣ, два эскадрона кавалеріи, обѣщая отправить ихъ обратно, какъ только вскрыется Висла и не будетъ предстоять въ войскахъ настоящей надобности. Ему отказали, а между тѣмъ переправы усилились. Появились шайки, составленные, почти исключительно изъ бѣглыхъ австрійскихъ солдатъ, которые могли служить хорошими кадрами для новыхъ полковъ краковской и сандомірской дивизіи. Главнымъ притономъ мятежа сдѣлался Опатовскій уѣздъ, гдѣ, подъ защитою густыхъ лѣсовъ, держались значительныя банды, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ бродили только одиночные люди, да разбѣжали жандармы-вѣшатели.

Чтобы уничтожить эти притоны и не дать мятежникамъ времени организоваться въ правильныя банды, генералъ Ченгери рѣшился предпринять большую экспедицію, по примѣру той, которая уже разъ была предпринята имъ въ декабрѣ прошлаго года.

Съ этою цѣлю, полковникъ Нильсонъ, съ частію Полоцкаго

(*) Разбитой въ Варшавской губерніи.

(**) Гонсевскій, съ двумя повстанцами, уснажалъ при самомъ началѣ дѣла.

полка (*) и сотнею казаковъ, долженъ былъ идти изъ Бонска черезъ Самсоновскіе, Неклацкскіе и Сухадневскіе лѣса въ Вержбинъ и, переимѣнявъ направленіе, стать фронтомъ къ Свѣнтожыжскимъ горамъ. Въ то же время, отряды полковниковъ Эрнрота, Данилова и майора Бѣнтковскаго (**), наступая съ юга черезъ Цысовскій лѣсъ, должны были тѣснить непріятеля за Святныя Горы, и такимъ образомъ поставить его между двумя огнями; для того же, чтобы преградить отступленіе мятежникамъ въ южную часть Опатовскаго уѣзда, въ Раховскій лѣсъ направлены были отряды изъ Сташова и Опатова. Самъ генераль Ченгери оставался до времени въ Кальце, отсюда, какъ изъ центрального пункта, могъ поддерживать, въ случай надобности, одинъ изъ дѣйствующихъ отрядовъ.

Въ ожидательное положеніе, принятое нами, оказалось, весьма удачнымъ, потому что войска не успѣли еще занять назначенные пункты, какъ отъ майора Буткевича пришло донесеніе, что инсургенты двигаются къ Опатову (***), и что вслѣдствіе того онъ принялъ намѣреніе не выступать изъ города, пока не разъяснятся истинные замыслы непріятеля. Какъ ни гадательно было предположеніе о томъ, что инсургенты атакуютъ Буткевича, однако генераль Ченгери, успѣшно собралъ отрядъ и выступилъ съ нимъ за Далеминцу.

На походѣ, въ с. Напенковѣ, получены были первыя извѣстія о томъ, что мятежники наканунѣ произвели нападеніе на Опатовъ и были отбиты съ огромнымъ урономъ. Сообщивъ объ этомъ во все отряды, генераль Ченгери двинулся далѣе форсированнымъ маршемъ и въ тотъ же день имѣлъ довольно горячую схватку съ одною изъ отступавшихъ шаекъ, причѣмъ особенно отличился 2-й эскадронъ Новороссійскаго полка: онъ штыками выбилъ непріятеля изъ густаго кустарника и произвелъ блистательную атаку (****). На слѣдующій день была уничтожена другая конная шайка, застигнутая нами въ

(*) Семь ротъ.

(**) Отряды были направлены къ Цысову слѣдующимъ образомъ: Эрнротъ, съ пятью ротами Витебскаго полка и сотнею казаковъ, изъ Ендриѣва и Водзислава черезъ Щетно и Першихинцу; полковникъ Даниловъ, съ двумя ротами 7-го стрѣлковаго батальона и ротой Галицкаго полка, изъ Махова черезъ Пинчовъ и Другню; майоръ Бѣнтковскій, съ двумя ротами Смоленскаго полка, введомъ новороссійскихъ драгуновъ и полусотнею казаковъ, изъ Кальце черезъ Хмільникъ, Стройново, Уѣны и Галендровъ.

(***) По осмотру Цысовскаго лѣса, была открыта только одна незначительная шайка, уничтоженная колоюю полковника Данилова, да сожжено нѣсколько барачковъ и лагерь укрѣпленный вѣшками.

(****) Эскадронъ потерялъ одного драгуна убитымъ и четырехъ лошадей.

Еленевскомъ лѣсу, послѣ чего отрядъ, спустившись съ Зитославскихъ горъ, вечеромъ подошелъ къ Опатову.

Городъ лежитъ въ низменной котловинѣ, окруженный со всѣхъ сторонъ крутыми горами, образующими своими скатами долину рѣчки Опатовки. Эти горы командуютъ окрестностію и дѣлаютъ Опатовъ второстепеннымъ военнымъ пунктомъ, несмотря на положеніе, занимаемое имъ при соединеніи большихъ дорогъ, идущихъ изъ Радома и Люблина въ Бравовъ, въ Бѣльце и въ Ченстохово. Городъ дѣлится на двѣ части, христіанскую и еврейскую, обѣ равно бѣдныя и равно грязныя. Если что-нибудь еще привлекаетъ вниманіе путешественника, такъ это старинный соборъ, построенный въ видѣ креста изъ тесаного камня, и украшенный внутри саркофагами и монументами отлитыми изъ бронзы, въ память Шидловцевъ, первыхъ владѣтелей города (*). Одинъ изъ этихъ владѣльцовъ, по имени Христофъ, жившій въ началѣ XVI столѣтія, пользуется особымъ уваженіемъ, такъ какъ ему приписываютъ возобновленіе самаго города, разрушеннаго татарами, и возведеніе многихъ городскихъ укрѣпленій, слѣды которыхъ видны и понынѣ.

Подходя къ Опатову и не замѣчая ничего, что обыкновенно напоминаетъ ужасы кроваваго боя, мы начинали уже думать, что рассказы о происходившемъ дѣлѣ были преувеличены, какъ вдругъ, при одномъ поворотѣ дороги, увидѣли разомъ человѣкъ пятьдесятъ убитыхъ, лежавшихъ въ канавѣ и, насколько можно было замѣтить, пораженныхъ смертельными ранами въ грудь или въ голову. Далѣе, куда мы ни обращали взоры, повсюду видѣли слѣды разрушительнаго боя. Подъ городомъ происходила, какъ видно, самая жаркая схватка, потому что здѣсь земля была усѣяна обломками оружія и стояли цѣлыя лужи запекшейся крови.

Изъ частныхъ разсказовъ объ опатовскомъ дѣлѣ мы знаемъ, что мятежники подступили къ городу, 9-го числа, со стороны Лагова, и начали атаку передъ самыми сучерками. Начальникъ опатовскаго отряда, майоръ Буткевичъ, былъ предупрежденъ о приближеніи банды, а потому имѣлъ возможность приготовиться къ оборонѣ: онъ занялъ войсками всѣ выходы изъ города (**), и встрѣтилъ нападеніе жесто-

(*) Прежде городъ принадлежалъ любушскимъ епископамъ и въ 1518 году съ разрѣшенія папы проданъ ими за 10 тысячъ червонцевъ Шидловцамъ. Отъ нихъ Опатовъ перешелъ къ Тарновскимъ, потомъ къ князьямъ Острожскимъ и наконецъ къ Любомирскимъ.

(**) Подъ командою Буткевича находились: три роты Смоленскаго, рота Галицкаго и команда хлѣбопеконъ Черниговскаго пѣхотныхъ полка; кромѣ того, команды мочалья и клявандная.

вить ружейнымъ огнемъ, на который непріятель отвѣчалъ неистовыми криками: «*niech żyje Polaka!*» и продолжалъ наступать густыми колоннами. Бой начался съ перемѣннымъ успѣхомъ: нѣсколько разъ инсургенты врывались на площадь и, нѣсколько разъ отбитые, съ яростію возобновляли свои нападенія. Грошь выстрѣловъ и крики сражающихся потрясали воздухъ, а между тѣмъ наступила темнота: мосты черезъ Опатовку пылали; въ городѣ горѣли кое-какіе дома (*) и багровое пламя ихъ освѣщало кровавое побоище, длившееся до семи часовъ вечера. Наконецъ, непріятель, отбитый повсюду, прекратилъ нападеніе и потянулся въ Святны Горы. Въ самомъ городѣ собрано было до 60 непріятельскихъ тѣлъ и 20 раненыхъ; но потеря мятежниковъ, судя по донесеніямъ окрестныхъ войтовъ гминъ, была гораздо значительнѣе и простиралась до полутора ста человекъ, въ числѣ которыхъ были два предводителя: убитъ Пршебальскій (ксендзь с. Мендзжиборжицы), котораго давно уже разыскивало наше правительство, не зная, что онъ находится въ бандахъ, и раненъ Сокольскій, замѣчательный тѣмъ, что перешелъ послѣдовательно всѣ банды, начиная съ Лангевича и оканчивая Топоромъ, который, по смерти Вагнера, поручилъ ему въ командованіе отдѣльную шайку (**).

Общая численность мятежниковъ, участвовавшихъ въ дѣлѣ, доходила до 1,800 человекъ. Впослѣдствіи намъ сдѣлался извѣстенъ даже составъ почти всѣхъ бандъ, носившихъ громкое названіе полковъ до нападенія на Опатовъ. Такъ, въ бывшей бандѣ Рембайлы считалось съ небольшимъ 400 чел.; у Вальтера (бывшая Богдана, сидѣвшаго теперь въ краковскомъ замкѣ) до 250; у Розенбаха 180; у Данизевича 220; у Лявоча 300; кавалерія было до 120 человекъ, подъ начальствомъ Урагана и Зольбаха. Нападеніе произведено было одною краковскою дивизіею, которою предводительствовалъ Топоръ, распорядившійся боемъ, совместно съ Боссакомъ и Куровскимъ.

Удивительно, что «Народовая Газета», а вслѣдъ за нею и многіе заграничные журналы, поторопились извѣстить объ этомъ событіи, какъ о побѣдѣ, гдѣ будто бы четыре роты русской пѣхоты были разбиты на голову. «Nord» все перепуталъ и писалъ, что отрядъ повстанцевъ, силою въ тысячу человекъ, занялъ Опатовъ и былъ атакованъ русскими, которые, сражаясь въ продолженіе цѣлаго дня, были отражены съ огромными потерями (***). Стоитъ-ли послѣ этого

(*) Всего сгорѣло въ еврейской части города 29 домовъ, баня и нѣтъ хлѣбныхъ сараевъ.

(**) Сокольскій былъ отвезенъ за границу и, спустя нѣсколько времени, арестованъ въ Краковѣ.

(***) Можетъ быть, это произошло отъ того, что накануне повстанцы дѣйстви-

упоминать о такомъ извѣстїи, какимъ угостила своихъ читателей «Хвля», объявивъ, что Боссагъ приказалъ прекратить нападеніе только потому, «что ему стало жаль убивать москалей, валившихъ сотнями подъ ударами храбрыхъ повстанцевъ».

На самомъ дѣлѣ потеря наша состояла изъ 54 человекъ, изъ которыхъ 12 были убиты и 42 ранены, въ томъ числѣ три оберъ-офицера.

Въ Опатовѣ майоръ Буткевичъ доложилъ генералу, что между плѣнными, содержавшимися въ городской тюрьмѣ, находится Топоръ, котораго по утру доставилъ разъѣздъ Гродненскаго гусарскаго полка, ходившій подъ командою поручика Мандернштерна (*). Рассказываютъ, что Мандернштернъ, подходя къ одной деревушкѣ, замѣтилъ бѣжавшаго человека и послалъ казаковъ, которые догнали и привели къ нему незнакома, назвавшего себя Яниовскимъ, жонцемъ сообднаго ишѣнія. Казаки говорили однако, что первымъ побужденіемъ плѣнника было предложить имъ сто пятьдесятъ рублей за свою свободу. Это естественно возбудило сильное подозрѣніе. Когда же начался осмотръ и дѣло дошло до портмоне, то плѣнникъ проворно выхватилъ изъ него доскутъ бумагами и хотѣлъ проглотить, но ему помѣшали. Въ этой—то роковой запискѣ, подписанной гражданномъ—генераломъ Боссагомъ, было сказано: «предъявителю сего, начальнику краковской дивизїи, полковнику Топору, давать лошадей безъ замедленія».

Настоящая фамилія Топора оказалась Жвирядовскій. При самомъ началѣ возстанія, онъ ознаменовалъ себя нападеніемъ на мирный городокъ Могилевской губерніи Горки, гдѣ вырѣзалъ инвалидную команду, разграбилъ Горыгорѣцкій Институтъ и захватилъ до 15 тысячъ денегъ. Затѣмъ онъ подвизался въ Митвѣ, а съ производствомъ въ полковника (въ январѣ 1864 года) назначенъ былъ сперва начальникомъ вооруженныхъ силъ Плонскаго воеводства, потомъ, при новой организациіи арміи, начальникомъ краковской дивизїи. Какъ офицеръ, бѣжавшій изъ русской службы, Топоръ былъ преданъ левому суду и, по конфирмаціи генерала Ченгери, повѣшенъ въ Опатовѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ происходила наиболѣе упорная схватка.

тально пытались выманить изъ города большую часть войска, чтобы тѣмъ свободнѣе управиться съ остальною; но это имъ не удалось, такъ какъ Буткевичъ имѣлъ осторожность не слишкомъ доверять леутчикамъ.

(*) Дивизионъ лейбъ-гвардіи Гродненскаго гусарскаго полка прибылъ изъ Варшавы, подъ командою полковника Татищева, и принялъ дѣятельное участіе въ битвѣ митениковъ, бывавшихъ изъ подъ Опатова.

Куда дѣвался Куровскій, къ фамилии veterago сами повстанцы пристегнули въ шутку титулъ: «графа Мѣховскаго и князя Опатовскаго», намѣтая этимъ на его пораженіа, рѣшительно неизвѣстно; но онъ сошелъ со сцены именно послѣ опатовскаго дѣла. Въ то же время удалился со сцены и извѣстный Боссакъ: онъ съ небольшимъ конвоемъ пробрался черезъ Илженскій лѣсъ въ сѣверную часть Радомской губерніи, но видя, что роль его кончена, бросилъ все и уѣхалъ въ Дрезденъ. Борпусъ его распался и вся организация, о которой такъ много писалось въ иностранныхъ газетахъ, рушилась сама собою.

Мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что опатовское нападеніе было послѣднимъ актомъ кровавой драмы, разыгрывавшейся въ продолженіе четырнадцати мѣсяцевъ. Давно уже носился слухъ, что въ половинѣ февраля мятежники задумали произвести всеобщее возстаніе въ Галичинѣ и въ Царствѣ Польскомъ; попытка была сдѣлана, но какъ отнесся къ ней народъ, свидѣтельствуетъ слѣдующій приказъ Боссака, отданный за нѣсколько дней передъ опатовскимъ сраженіемъ:

«Со всѣхъ сторонъ доходятъ извѣстіа отъ волонтеровъ, что, во время слѣдованія ихъ на сборные пункты, граждане не только не оказываютъ имъ помощи, но прямо совѣтуютъ идти по домамъ, говоря, что нѣтъ ни повстанія, ни народоваго жонда, а тѣхъ, кто не слушаетъ измѣнническихъ навѣтовъ, задерживаютъ и передаютъ въ руки враговъ. Такими дѣйствіями они убиваютъ всякое рвеніе въ истинныхъ сынахъ отечества, и если правда, что между нами находятся такіе люди, то горе имъ! Ихъ ожидаетъ за гробомъ страшное проклятіе церкви, а на землѣ для нихъ нѣтъ мѣры наказанія!»...

Пока мы стояли въ Опатовѣ и чинили судъ и расправу надъ плѣнными мятежниками, прочіе отряды продолжали преслѣдованіе шаекъ съ такою энергіею, что въ продолженіе двухъ дней, 11-го и 12-го февраля, мятежники потеряли не менѣе шести сотъ человѣкъ убитыми и плѣнными (*). Когда вся мѣстность между Опатовымъ и Слупя-Новымъ была очищена, тогда генералъ Ченгери приказалъ войскамъ пройти еще разъ черезъ Радостовскіе, Раковскіе, Сташовскіе и Опочинскіе лѣса съ тѣмъ, чтобы, по осмотрѣ ихъ, къ 16-му числу возвратиться на свои квартиры.

Между тѣмъ, какъ мы, измученные походомъ, приближались къ Кѣльце, въ городѣ готовился для насъ сюрпризъ, котораго мы никакъ не ожидали: это былъ курьеръ, пріѣхавшій отъ полковника Звѣрева съ бумагою такого содержанія:

(*) Потери наша въ эти два дня состояла только изъ одного раненаго солдата.

«Полковникъ Анучинъ» — писалъ начальникъ кордонной линіи — «по приказанію Его Сіятельства Главнокомандующаго войсками, сообщивъ, что по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, имѣющимся въ Варшавѣ, съ воскресенья, 16-го (28-го) числа, надо ждать изъ Галиціи сильныхъ вылазокъ, влѣдствіе чего главнокомандующій уполномочилъ меня войти въ сношеніе съ начальниками австрійскихъ войскъ, барономъ Гамерштейномъ и маіоромъ Панграцомъ, для совокупныхъ дѣйствій противъ мятежниковъ, какъ по сию сторону Вислы, такъ и въ самыхъ предѣлахъ Австрійской Имперіи». Звѣревъ не упустилъ попросить и подтвержденій, ссылаясь на невозможность усилить пограничные гарнизоны, въ случаѣ если бы непріятель направился на болѣе удаленные пункты отъ Сташова, или Тарнова и Ниско, гдѣ стояли австрійцы.

Извѣстіе о новыхъ бандахъ, полученное тогда, когда кампанія считалась почти оконченною, произвело на всѣхъ самое непріятное впечатлѣніе. Война въ такое суровое время года всѣмъ надоѣла; прискорбно было думать, что, можетъ быть, еще цѣлые мѣсяцы придется ходить по лѣсамъ и болотамъ; но дѣлать было нечего. Евреи, пріѣхавшіе съ австрійской границы, положительно утверждали, что въ Браковѣ формируются сильныя шайки; на сколько справедливы были эти слухи, рѣшить было трудно; вѣрно то, что революціонеры бодрствовали и продолжали скликать авантюристовъ, желая, какъ видно, еще разъ попытать свое счастье. Къ нашему благополучію, получено было извѣстіе, что Висла разошлась и тронувшіяся ледъ прервалъ на нѣкоторое время всѣ сообщенія лѣваго берега съ правымъ. Что будетъ потомъ, когда откроются броды, объ этомъ рѣчь впереди, а пока надо тушить пожаръ тамъ, гдѣ онъ обнаружился.

Съ этою цѣлью всѣ дѣйствія войскъ, во второй половинѣ февраля, направлены были исключительно къ тому, чтобы преслѣдовать и истреблять мелкія шайки, которыя, несмотря на страшныя потери, понесенныя ими въ послѣднее время, все еще насчитывали въ своихъ рядахъ до 700 человекъ. Такъ какъ большая часть ихъ скрывалась, по слухамъ, въ лѣсахъ Радомскаго, Опатовскаго и Опочинскаго уѣздовъ, то генералъ-лейтенантъ Ушаковъ предписалъ командиру Екатеринбургскаго драгунскаго полка, полковнику Лошкареву, дать нужное направленіе отрядамъ, высланнымъ изъ Радомы, Бѣлобжеговъ, Варки, Бовениць и Зволени съ тѣмъ, чтобы, пройдя сплошныя Радомскіе лѣса, перенести оружіе въ Опочинскій или въ Опатовскій уѣзды.

Лошкаревъ избралъ послѣднее, и 27-го февраля настѣгъ и разбилъ подъ Островцемъ конную банду, которая оставила въ нашихъ рукахъ нѣсколько ирубленныхъ тѣлъ. Изъ показаній взятаго плѣнника узнали, между прочимъ, что шайка находилась подъ начальствомъ Сова (Заржицкаго) и слѣдовала въ Свѣнтокжыжскія Горы, гдѣ былъ назначенъ сборный пунктъ нѣсколькимъ мятежническимъ партиямъ. Лошкаревъ направилъ туда эскадронъ, а самъ двинулся внизъ по рѣкѣ Каменной къ Вонхоцку, гдѣ, по донесенію партизана Мѣдянова, также собирались шайки Шеміота и Зольбаха.

Какъ ни торопился Лошкаревъ со своими драгунами, однако Мѣдяновъ успѣлъ управиться съ мятежниками прежде чѣмъ подоспѣла къ нему какая-нибудь помощь. На самомъ разсвѣтѣ 28-го февраля, онъ подошелъ къ Вонхоцку и съ трехъ сторонъ внезапно атаковалъ непріятеля. Пока 2-я стрѣлковая рота Могилевскаго полка штыками очищала улицы, партизаны рубили тѣхъ, которые спасались изъ города. Пораженіе шайки было такъ жестоко, что, по окончаніи боя, собрано было 60 непріятельскихъ тѣлъ и болѣе 30 раненыхъ. Въ числѣ убитыхъ находился и самъ Зольбахъ, трупъ котораго былъ отысканъ однимъ изъ плѣнныхъ повстанцевъ. Съ нашей стороны раненъ одинъ офицеръ (*) и четыре нижніе чина (въ томъ числѣ казачій юнкеръ, шашкою въ голову). Лошадей убито три и ранено двѣ.

Въ Вонхоцкѣ Мѣдяновъ дождался полковника Лошкарева; къ вечеру прибыли туда же партизаны Ассіева, которые привели плѣннаго венгерца, оказавшагося Шандоромъ, предводителемъ известной банды жандармовъ-вѣшателей. Шандоръ, по слѣдамъ Лошкарева, занялъ Островецъ и только что хотѣлъ расправиться въ немъ съ нѣкоторыми жителями, какъ Ассіевъ налетѣлъ на городъ и вѣшатели вынуждены были спастись; но ушли только трое: всѣ остальные или схвачены въ плѣнъ, или легли подъ ударами шашекъ. Лошкаревъ, назначивъ надъ плѣнными военный судъ и на слѣдующій день, по прибытіи отряда въ Вержбникъ, Шандоръ былъ повѣшенъ, а одинъ изъ его соучастниковъ, оказавшійся бѣглымъ уланомъ Санкт-петербургскаго полка, разстрѣлянъ.

Въ то же самое время, въ Стопницкомъ уѣздѣ, хорунжій Косовъ, съ 25 казаками, разбилъ конную шайку Кжывды и захватилъ ксендза Цюнглинскаго, одного изъ дѣятельныхъ участниковъ варшавской ночи, которою въ прошломъ году началось возстаніе (**).

(*) Екатеринаславскаго драгунскаго полка прапорщикъ Уманецъ, раненъ штыкомъ.

(**) Во время этой стычки раненъ одинъ казакъ.

Пока Лошкаревъ обходилъ восточную половину губерніи, генералъ Ченгери направилъ отряды изъ Кѣльце, Сухиднева, Шидловца, Пшесухи, Конске и Радошицы (***) на западъ въ Нежанскіе и Опочинскіе лѣса, гдѣ были слухи о формированіи сандомірской дивизіи. Дивизія эта, какъ оказалось, состояла всего изъ 400 человекъ, вооруженныхъ по большей части косою; но чтобы не дать ей возможности усилиться новыми рекрутскими наборами, войска, въ теченіе трехъ сутокъ, прошли лѣса по всѣмъ направленіямъ, двигаясь не только по дорогамъ и тропинкамъ, но даже напрямикъ, гдѣ только съ большимъ трудомъ могли пробираться одиночные пѣшіе люди.

Во время этого движенія, открыты были три шайки: Безкишнина (Карновича), Шеміота и Бѣйткоскаго (Маревича) въ сложности, не превышавшія 250 или 300 человекъ. Была еще четвертая банда, Рудовскаго, который разъѣзжалъ съ сорока или пятидесятью головорѣзками, одѣтыми, какъ говорили, въ черкесное платье; но эта шайка была неуловима для войска. Захвативъ нѣсколько плѣнныхъ, и уничтоживъ во многихъ мѣстахъ лагери, бараки и шалаши мятежниковъ, отряды были распущены по своимъ квартирамъ.

Плѣнные, взятые во время этихъ поисковъ, и крестьяне тѣхъ деревень, черезъ которыя мы проходили, единогласно показывали намъ, что начальники бандъ уговариваютъ повстанцевъ держаться еще въ продолженіе мѣсяца, съ тѣмъ, что ежели къ 12 апрѣлю не послѣдуетъ помощи со стороны Франціи или Англіи, то возстаніе будетъ считаться оконченнымъ.

До апрѣля мѣсяца было не далеко; а между тѣмъ генералъ Ченгери, по возвращеніи въ Кѣльце, выслалъ на поискъ еще нѣсколько ротъ, изъ которыхъ одна должна была занять охранительный постъ въ м. Сухидневѣ.

Какъ только рота прибыла въ Сухидневъ, пикеты выставленные къ сторонѣ Вонхоца, замѣтили приближавшійся кавалерійскій отрядъ, впереди котораго ѣхали нѣсколько всадниковъ, укутанныхъ въ башлыки и въ бурни. Этотъ костюмъ возбуждалъ сильное подозрѣніе, такъ какъ ходили слухи, что въ окрестности появился Рудовскій, грабившій почты и нападавшій на проѣзжающихъ; поэтому съ пикета дали условный сигналъ, по которому рота тотчасъ выступила на встрѣчу предполагаемаго непріятели. Оказалось однако, что это былъ летучій отрядъ полковника Кульгачева (**), состоявшій изъ

(*) Всего 10¹/₂ ротъ, 120 казаковъ и дивизионъ л.-гв. уланскаго Его Величества полка, прибывшій изъ Варшавы подъ командою графа Крейца.

(**) Кульгачевъ, командиръ Донскаго казачьяго полка, бывший артиллеристъ, герой

сотни линейскихъ и 60 донскихъ казаковъ, которые около мѣсяца ходили по мѣсамъ Варшавской, Люблинской и Радомской губерній.

Казакъ не замедлили подтрунить надъ пѣхотою.

— Вотъ, братцы, почетъ-то! Что значить кавалерія! остряли линейцы:—пѣхота встрѣчать вышла.

— Потому и вышла—отшучивались смоленцы:—видимъ кавалерія-то безъ пѣхоты: не ровно выручать придется.

— Нѣтъ, земляки, эта кавалерія за себя постоитъ: бывала!... А про пѣхоту не толкуй: она намъ не сподручна.

— Что такъ?

— Да такъ, не угонится, чай! Мы въ мѣсяцъ-то какъ есть всю Польшу прошли; только вотъ бѣда: повстанцевъ нѣту.

— Оттого и нѣтъ, что торопились больно; а вамъ-бы поискать хорошенько: не то вы въ лѣсъ—они изъ лѣсу, вы изъ лѣсу—они въ лѣсъ: вотъ и не встрѣтились.

— Какъ не такъ!—Бѣгутъ, проклятые.... духъ казачій чуютъ.... А вы-то, братцы, видали-ли повстанцевъ?

— Какъ не видать! Походите съ наше—такъ увидите.

— Ладно, отъ насъ не увернется.

Отдохнувъ въ Сухидневѣ, казакъ около четырехъ часовъ по полудни вышли на Близинъ, отдѣливъ по дорогѣ 25 человекъ, подъ начальствомъ ротмистра фонъ-Валя къ д. Майдувъ, для осмотра мѣстности правѣе, къ сторонѣ Гуты—Шидловцеюй.

Въ Близинѣ, въ одномъ изъ лучшихъ имѣній Опочинскаго уѣзда, принадлежавшемъ графу Велоглавному, отрядъ расположился на ночлегъ. Часть донскихъ казаковъ заняла корчму, стоявшую на шоссе, по дорогѣ къ Конске; прочіе размѣстились кто гдѣ попало, въ деревнѣ и въ фольваркѣ, окруженномъ обширными садами, которые постепенно переходили въ густые строевые лѣса. Пикеты выставлены были только на самомъ шоссе; разъѣздовъ не было вовсе. Одинъ изъ управителей Близина, нѣкто Гаэль, нашелъ возможность уведомить объ этомъ мятежниковъ, пославъ, какъ говорили, даже планъ расположенія казаковъ. По его предложенію, собралась довольно значительная шайка и въ самую полночь скрытно подошла къ Близину. Пока одна часть пробиралась садомъ, чтобы захватить офицеровъ въ помѣщичьемъ домѣ, другая направилась къ корчмѣ;

башъ-кадыкъ-ларскаго и кюрюкь-даринскаго сраженій. Отрядъ его прѣбылъ въ радомскій отдѣлъ во время экспедиціи полковника Лешкарева и за нѣсколько дней передъ тѣмъ имѣлъ незначительную стычку въ Ковзницкомъ лѣсу, близъ деревни Ярошки.

третья приготовилась ударить на фольваркъ, чтобы одновременно съ этими нападеніями захватить линейцовъ врасплохъ и истребить ихъ по одиночѣ.

Часа за два до свѣта, когда отрядъ безопасно предавался отдыху, вдругъ грянулъ ружейный залпъ, корчма запылала и зловѣщее зарево ея разомъ освѣтило всю площадь. Нападеніе началось. Донцы, едва успѣвшіе выскочить изъ пламени, бросились спасать лошадей; но повстанцы уже штыками оспаривали свою добычу. Скоро сами донцы очутились въ критическомъ положеніи. Мракъ ночи, неожиданное нападеніе, неизвѣстность о числѣ и положеніи враговъ, тѣснота мѣста—все соединилось, повидимому, къ ихъ гибели. Въ счастію, подоспѣли линейцы: они небольшими кучками пробились черезъ площадь, выручили донцевъ и начали перестрѣлку. Между тѣмъ, толпа, окружившая помѣщичій замокъ, ломилась въ двери и кричала офицерамъ: «выходите! не бойтесь! вамъ ничего не будетъ!» Желаніе мятежниковъ было исполнено: Кульгачевъ бросился въ двери и, проложивъ дорогу оружіемъ, соединился съ казаками. Въ это время беспорядочный одиночный бой распространился уже по цѣлому фольварку; свалка пошла ужасная: линейцы, загинувъ винтовки, стрѣляли изъ пистолетовъ и рѣзались кинжалами; оправившіеся донцы дружно помогали имъ, и къ четыремъ часамъ утра нападеніе было отбито.

Бромъ 28 лошадей, находившихся въ корчмѣ и частью погибшихъ въ пламени, частью уведенныхъ мятежниками, мы потеряли одного казака убитымъ, шесть ранеными и одного пропавшимъ безъ вѣсти. Конюшня, гдѣ находились казачьи лошади, буквально была изрѣшечена пулями. Трудно опредѣлить число инсургентовъ, участвовавшихъ въ нападеніи; даже плѣнные отзывались невѣдѣніемъ и не могли назвать главнаго предводителя, такъ какъ, по ихъ словамъ, собрано было нѣсколько шаекъ. По всей вѣроятности, дѣло не обошлось безъ Рудовскаго, какъ самаго предприимчиваго изъ всѣхъ начальниковъ бандъ, открытыхъ нами въ Опочинскомъ уѣздѣ. Мятежники вынесли изъ боя всѣхъ убитыхъ и раненыхъ, но девять челоувѣкъ, жестоко изрубленныхъ, оставлены были на попеченіе жителей.

Зарево близинскаго пожара явственно видѣли въ Сухидновѣ. Въ сожалѣнію, ротный командиръ, вмѣсто того чтобы спѣшить на выстрѣлы, ограничился принятіемъ охранительныхъ мѣръ въ самомъ мѣстечкѣ и лишилъ себя возможности нанести поражение инсургентамъ, когда, отбитые отъ Близина, они отступали безпорядочною тол-

пою. Казаки, находившіеся въ Майдувѣ съ ротмистромъ фонъ-Валемъ; хотя и высочили по первой тревогѣ, но подоспѣли къ окончанію боя.

Часа черезъ два послѣ сраженія, изъ плѣна выбѣжалъ донской урядникъ и вызвался указать отряду мѣсто, гдѣ партія мятежниковъ, предавшихся оргіи, остановилась на отдыхъ. Часть казаковъ тотчасъ отправилась на поискъ, захватила пирующихъ врасплохъ и истребила ихъ до послѣдняго человѣка. Послѣ этого Кульгачевъ произвелъ еще нѣсколько поисковъ, но такъ какъ слѣдъ мятежниковъ окончательно затерялся въ гористой мѣстности, то онъ вернулся въ Сухидневъ, куда наканунѣ прибыли его обозы и раненые.

Очередь подтрунивать была за пѣхотою.

— Ну, что атаманы-молодцы? Есть теперь мятежники, али нѣту? допрашивали пѣхотинцы.

— Были, братцы, а теперь нѣту: спите спокойно; мы и за васъ постарались: вотъ какъ разбумажили!...

— А мы слышали, что вы пѣхотою обзавелись.

— Былъ грѣхъ, да сплылъ: лошади почитай всѣ цѣлы; наши донцы только пошѣнялись бѣгунами, а иному еще, пожалуй, кобыленка-то досталась и получше.

— Что-жь, этакъ неубыточно! Можетъ, и въ другой разъ пошѣняетесь.

— Намъ не для чего: супротивъ нашихъ лошадей нигдѣ нѣту—птицы, одно слово! говорили линейцы, заботливо вываживая своихъ коней.

На слѣдующій день полковникъ Кульгачевъ, съ своими казаками и ротой Смоленскаго полка, выступилъ опять на Близинъ, Горки и Гуту-Хлевисскую. Линейцы шли по правому, пѣхота по лѣвому берегу рѣки Камешной, съ тѣмъ, чтобы осмотрѣть всю мѣстность, лежащую къ сѣверу до д. Склабы, гдѣ, по собраннымъ свѣдѣніямъ, стояла шайка какого-то Сѣрка (по всей вѣроятности, новый псевдонимъ одного изъ старыхъ предводителей). Дорога отъ самаго Близина пошла по густому лѣсу, изрѣдка пересѣкавшемуся небольшими свѣжными равнинами. Кое-гдѣ попадались бѣдные хутора, окруженные полями, запущенными и покинутыми своими владѣльцами. Чѣмъ ближе подходили къ Хлевиску, тѣмъ мѣстность становилась открытѣе. На горизонтѣ показалась черная пасма горъ, а надъ нею, озаренная лучами мѣсяца, вырисовались причудливыя очертанія стариннаго хлевисскаго замка.

Такъ какъ въ самомъ Хлевисѣ слухи объ инсургентахъ подтвер-

двигаясь, то отрядъ, несмотря на позднее время, продолжалъ движеніе и въ девяти часамъ вечера остановился подъ лѣсомъ, гдѣ предполагали найти непріятеля. Отсюда линейцы тронулись рысью.

Между тѣмъ, свинцовыя облака закрыли мѣсяцъ и въ лѣсу сдѣлалось такъ темно, что казаки почти въ упоръ наткнулись на завалы. Вдругъ затрещали выстрѣлы. Отвѣтивъ пронзительнымъ гикомъ, линейцы дали залпъ и съ обнаженными шашками ринулись на завалы. Въ одну минуту барани запылали и при огромномъ заревѣ ихъ началось отчаянное преслѣдованіе: казаки рубили такъ, что пѣхотѣ оставалось только подбирать тѣла, да снимать оружіе. Болѣе двѣнадцати верстъ скакали казаки и остановились только тогда, когда передъ ними замерло всякое движеніе. Въ эту минуту, на горизонтѣ всплылъ мѣсяцъ и освѣтилъ мѣстами такую гдушь, что казаки сами удивлялись потомъ, какъ они могли скакать по трущобамъ. Собравъ разсѣявшихся людей, весь отрядъ повернулъ назадъ и въ два часа ночи возвратился въ Хлевискъ.

Почти въ тоже самое время, на другомъ концѣ Радомской губерніи, овею Сандомира, значительная банда пробиралась Ожаровскимъ лѣсомъ къ Бюшевницѣ съ цѣлю уйти за Вислу. Она оттѣснила спирандскій постъ и подошла уже къ переправѣ, какъ прискакали казачьи отряды, высланные изъ Сандомира и Блимантова, а вслѣдъ за ними таможенные объѣзчики, собравшіеся по тревогѣ съ ближайшихъ постовъ, въ числѣ болѣе ста человекъ. Вся эта кавалерія разомъ устремилась на банду, которая, будучи сброшена въ Вислу, большею частію погибла, оставивъ въ нашихъ рукахъ 55 человекъ плѣнныхъ и 148 ружей.

Какъ ни были утѣшительны эти извѣстія, они ничего не значили въ сравненіи съ тѣмъ громаднымъ событіемъ, которое готовилось въ Царствѣ Польскомъ, приковывая къ себѣ вниманіе цѣлаго образованнаго міра. Мы говоримъ о крестьянской реформѣ, послѣдовавшей 19 февраля 1864 года. Въ нашихъ походныхъ запискахъ, посвященныхъ исключительно боевымъ воспоминаніямъ, не мѣсто говорить о томъ, что повела за собою эта многознаменательная реформа; замѣтимъ только, что городъ Кѣльце принялъ такой оживленный, оригинальный видъ, какой имѣлъ только развѣ въ самый разгаръ польскихъ манифестацій. Всѣ войты гминь, солтысы, выборные отъ обществъ и толпы крестьянъ наполнили городъ съ ранняго утра, предназначеннаго для чтенія Высочайшаго манифеста. Указъ прочитанъ былъ въ кафедральномъ соборѣ, гдѣ предварительно епископъ, со всѣмъ духовенствомъ, отслужилъ благодарственное молебствіе. Въ сожалѣ-

нiю, дѣло не обошлось безъ скандала. На слѣдующий же день, одинъ изъ ксендзовъ, говоря проповѣдь, обратился къ народу съ увѣщанiемъ не предаваться излишней радости, потому что устройство ихъ быта было рѣшено уже давно, еще «за круля Станислава-Августа», и если до сихъ поръ не было приведено въ исполненiе, то на это существовали историческiя причины, и пошесть, и пошесть!... Ксендва, конечно, арестовали, а слушатели его пришли въ такой азартъ, что въ ту же ночь разнесли до основанiя громаднiй каменный крестъ, сложенный возлѣ костела въ память пяти убитыхъ (*). «Поставилисте кжыжъ—и нестежь кжыжъ»—не равъ говаривалъ генералъ Ченгери, указывая крестьянамъ на этотъ памятникъ революционнхъ затѣй, когда они приходили къ нему, бывало, съ жалобами на невыносимо-тяжкое свое положенiе.

Желая воспользоваться такимъ антиреволюционнмъ настроенiемъ крестьянъ, чтобы привлечь ихъ къ военнымъ дѣйствiямъ и, посредствомъ народнаго движенiя, окончательно потушить мятежь, генералъ Ченгери предположилъ произвести облаву Кленовскихъ лѣсовъ, совмѣстно съ крестьянами. Въ Къльце собраны были, по этому поводу, солтысы изъ всѣхъ окрестныхъ деревень. «Настало время», сказали имъ генералъ Ченгери, «показать на дѣлѣ тѣ вѣрнопоподданическiя чувства, которыя вы питаете къ вашему царю и благодѣтелю. Возвращайтесь въ свои деревни и скажите: кто искренно хочетъ окончанiя смуты и водворенiя порядка, тотъ долженъ сегодня же ночью явиться на сборное мѣсто, гдѣ дальнѣйшiя приказанiя получить отъ военныхъ начальниковъ!» Предложенiе принято было съ восторгомъ, и результаты его превзошли всѣ ожиданiя. Солтысы, выѣхавшiе изъ Къльце въ шесть часовъ по полудни, къ полуночи успѣли собрать въ извѣстные пункты болѣе полутора тысячи крестьянъ. «Я объѣхалъ эти деревни», писалъ генералъ Ченгери въ своемъ донесенiи военному начальнику Радомскаго отдѣла, «и не нахожу словъ выразить ту энергiю и готовность, съ которыми собирались въ походъ даже жалолѣтки, не хотѣвшiе оставаться дома».

Облаву предположено было начать 4-го апрѣля отъ Къльце черезъ Домброво до Свѣтной-Катаржины, для чего сдѣланы были слѣдующiя распоряженiя: 1) ротѣ Могилевскаго полка (**), со взводомъ Екатеринбургскихъ драгуновъ, съ вечера прибывъ въ с. Домброво,

(*) 15-го февраля 1861 года, въ Варшавѣ.

(**) Дѣвъ роты Могилевскаго полка, съ двумя орудiями и взводомъ Екатеринбургскихъ драгуновъ, присланы были въ Къльце изъ Радомы съ военною оказiею.

войти въ связь съ 1-ю стрѣлковой ротой Смоленскаго полка, находящеюся въ Говдѣ, и, по присоединеніи крестьянъ изъ д. Домошевице и Домброва, двинуться черезъ лѣса и горы къ Кастанову, стараясь, своею цѣпью, захватить надъ можно большее пространство.

2) Другой ротѣ Могилевскаго полка выступить на Бечковъ, и, присоединивъ крестьянъ изъ д. Родяницъ, Лещины, Бечковъ и Монакощице, идти на Кленовъ, а оттуда черезъ горы на Ленчно.

3) Главной колонѣ, подъ личнымъ начальствомъ генерала Ченгери, изъ роты Смоленскаго полка и взвода Новороссійскаго драгуневъ, усиленной крестьянами изъ д. Цѣзюны, Бопцѣва-воля и Масловъ, слѣдовать черезъ Бржезины на Кастановъ, а оттуда черезъ Цѣкоты на Кленовъ.

Въ то же время, 1-я стрѣлковая ротѣ Смоленскаго полка, оставаясь въ Говдѣ, выставить цѣпь наблюдательныхъ постовъ по высотамъ къ д. Выстемпы и Вздолю, дабы, въ случаѣ движенія туда мятежниковъ, переградить имъ отступленіе.

2) 1-й и 8-й линейнымъ ротамъ, того же полка, выставить наблюдательные посты отъ Вздоля съ одной стороны до д. Псары, а съ другой до Цѣкоты, и, наконецъ,

3) пространство отъ Псаръ до Вздоля и Вилкова занять пикетами отъ взвода Новороссійскаго драгунскаго полка, въ помощь къ которому назначенъ былъ еще взводъ 2-й стрѣлковой роты Смоленскаго. Остальной взводъ той же роты остался на охранительномъ посту въ Воздентынѣ.

«Прошу ротныхъ командировъ и всѣхъ гг. офицеровъ» — писалъ генералъ Ченгери въ своихъ наставленіяхъ — «какъ можно болѣе подбадривать крестьянъ, въ особенности ежели-бы въ какомъ-нибудь пунктѣ завязалось дѣло. Цѣпь должна состоять преимущественно изъ крестьянъ съ размѣщенными между ними изрѣдка звѣзными солдатами, но за серединою цѣпи, а равно и за флангами ея, непременно имѣть небольшія сомкнутыя части, при которыхъ находятся и самыя полоннымъ начальникамъ.

Движеніе началось почти одновременно всѣми колоннами; но, кромѣ двухъ большихъ лагерей, по-видимому давно уже оставленныхъ мятежниками, нигдѣ ничего не было открыто. Несмотря на неудачу, экспедиція имѣла однако огромное нравственное вліяніе на крестьянъ и послужила фактическимъ опроверженіемъ тѣхъ ложныхъ извѣстій, которыя появились тогда во всѣхъ иностранныхъ газетахъ и журналахъ, писавшихъ, что, будто-бы, въ Краковскомъ и Сандомирскомъ воеводствахъ крестьяне, недовольные манифестомъ,

подняли знамя мятежа и добровольно составляют банды, совершенно изолировавшія дѣйствія императорскаго войска.

А пока европейская пресса рѣшала такимъ образомъ участь Россіи, революціонное движеніе въ Царствѣ Польскомъ ослабѣвало съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Только запоренѣлыя агитаторы, продолжая еще питать несбыточные надежды на помощь извнѣ, хлопотали о томъ, чтобы продлить возстаніе хотя на нѣкоторое время; но и они вынуждены были отнаться, какъ скоро войска радомскаго отдѣла были усилены баталіономъ Таврическаго гренадерскаго полка, тремя ротами 10-го стрѣлковаго баталіона и дивизиономъ Волынскихъ улановъ, прибытіе которыхъ дало возможность занять нѣкоторые пункты, доселѣ служившіе еще притонами разбойничьихъ шайкъ.

Такъ, въ Опочинскомъ уѣздѣ съ этою цѣлью заняты были: Држевицы, Одрованяжъ, Жарковъ, Одживолы, Руда-Маленецкая, Дзюбатовскіе—Млыны, Говорчевъ, Русскій-бродъ, Хлѣвиско, Нинговъ, Близницъ, Нецланъ, Красно, Цинисъ и Самсоновъ.

Въ Опатовскомъ уѣздѣ вновь поставлены отряды въ г. Вонхоцѣ, Паршовѣ, Грибовцѣ, Куновѣ, Сѣнно, Вержбницѣ, въ д. Броды, Ратковицы и въ муравской корчмѣ, среди Илженскаго лѣса.

Отъ войскъ кѣлецкаго гарнизона приказано поставить по одной ротѣ въ Бодзентынъ и въ монастырь св. Катаржины.

Кромѣ того, подвижные отряды безпрестанно заходили къ намъ изъ Варшавской губерніи и оставались иногда долго. Подполковникъ Крыловъ (*), въ продолженіе цѣлыхъ двухъ мѣсяцевъ, осматривалъ лѣса Радомскаго и Опатовскаго уѣздовъ, искрещивая ихъ по всѣмъ направленіямъ. Въ тоже время, линейцы, переправляясь за Пилцу, доходили до самыхъ Бѣльцъ и въ одинъ изъ такихъ поисковъ захватили въ Опочинскомъ лѣсу Бевнишкина, оказавшагося русскимъ офицеромъ. Кое-гдѣ войска попадали на слѣдъ разбойничьихъ шайкъ (**).

(*) Пять ротъ короля Прусскаго полка, всадниковъ Волынскихъ улановъ и нѣсколько казаковъ.

(**) Около этого времени рассказывали, что два молодые офицера, ѣздившіе изъ Радомы, отстали въ лѣсу отъ каравана и были схвачены шайкою, которая повѣсила ихъ на одномъ деревѣ. Въ другой разъ, одинъ казакъ, отдѣлившись, около Илжи, отъ конвоя, сопровождавшаго почту, завернулъ въ корчму, гдѣ встрѣтилъ нѣсколько молодыхъ людей, которые принялись угощать его водкою, а потомъ, когда казакъ опьянѣлъ, они безъ труда сняли съ него оружіе и, выведя за корчму, сперва разрубили голову, потомъ всѣмили шашкою все тѣло, вырвали глаза и обезображенный трупъ бросили на самой дорогѣ.

Последняя разбойничья шайка была уничтожена отрядомъ майора Бергмана, который напалъ на нее 7-го апрѣля въ Радковицкомъ лѣсу (Опатовскаго уѣзда); причѣмъ нѣсколько человѣкъ, вмѣстѣ съ своимъ предводителемъ Шемістомъ,

ловили отдѣльныхъ бродягъ, голодныхъ и оборванныхъ, но правильныхъ—организованныхъ бандъ не встрѣчали.

Изъ военныхъ дѣйствій, ознаменовавшихъ послѣднй перюдъ возстанія заслуживаютъ быть названными движеніе подполковника Загрязскаго, который съ лейбъ-эскадрономъ Новороссійскаго драгунскаго полка и двумя ротами пѣхоты настигъ и уничтожилъ 30-го марта, близъ Кленова, *послѣднюю пьющую банду*, находившуюся подъ начальствомъ Вагнера, и поиски партизанскаго отряда, составленнаго изъ охотниковъ также Новороссійскаго полка.

Этотъ отрядъ, сформированный изъ людей всѣхъ эскадроновъ, въ числѣ 50 человекъ, подъ командою прапорщика Бунакова, выступилъ изъ Бѣльце 17-го марта и, присоединивъ къ себѣ по дорогѣ взводъ пѣхоты, послѣ неутомимыхъ пятидневныхъ поисковъ въ окрестностяхъ Малогощи, узналъ, что, въ ночь на 23-е марта, конная партія мятежниковъ должна прибыть на ночлегъ въ с. Рудники. Это извѣстіе дало возможность устроить засаду: прапорщикъ Бунаковъ, приказавъ пѣхотѣ залечь въ кавалу, прилегающую къ дорогѣ, скрылъ драгуновъ за крайними хатами.

Въ первомъ часу ночи показались инсургенты, въ числѣ 70 человекъ, подъ начальствомъ Морозко и Лѣтвина (*). Передній всадникъ, въѣхавшій въ деревню, тотчасъ былъ захваченъ драгунами; остальные, встрѣченные залпомъ, бросились безъ дорогъ къ Скипчинскому лѣсу. Драгуны погнались за ними, однако темнота ночи спасла мятежниковъ отъ пораженія и они оставили на мѣстѣ схватки только четырехъ убитыми, да четырехъ тяжело-ранеными.

Продолжая поиски, прапорщикъ Бунаковъ, 11-го апрѣля, снова открылъ ту же конную банду въ лѣсу между деревнями Скипчиномъ и Бебельно. Мятежники, усиленные небольшою шайкою Юноши, узнавъ о приближеніи партизановъ, выстроились на полянѣ для боя, но, сбитые атакою драгуновъ, бросились черезъ д. Бебельно въ лѣсъ, гдѣ погоня за ними продолжалась безъ дорогъ до совершеннаго изнуренія лошадей. Мятежники оставили на мѣстѣ восемь изрубленныхъ тѣлъ и двухъ человекъ тяжело-ранеными. Съ нашей стороны раненъ пулею одинъ драгунъ и убиты три лошади.

Это были замѣчательные выстрѣлы въ польскую кампанію. Въ концѣ апрѣля, послѣднія шайки, не вида болѣе возможности дер-

были убиты, а сорокъ разбойниковъ захвачены въ плѣнъ и судимы по полевымъ головнымъ законамъ.

(*) Лѣтвинъ—бѣлый донской казакъ.

жаться, ушли за границу или, сложивъ оружіе, безусловно предались милосердію Государя.

Въ заключеніе скажемъ, что потеря въ войскахъ радомскаго отѣла за все время возстанія, не считая пропавшихъ безъ вѣсти, особенно въ первые дни мятежа, была слѣдующая (*):

Убито штабъ и оберъ-офицеровъ	14
нижнихъ чиновъ	196
Ранено: генералъ	1 (внзвѣ Шаховскій).
штабъ и оберъ-офицеровъ	33
нижнихъ чиновъ	793

Съ окончаніемъ военныхъ дѣйствій, войска оставались еще въ своихъ расположеніяхъ; но въ половинѣ іюня, когда дороги сдѣлались совершенно безопасными и прекратилась надобность въ конвоированіи почтъ и проѣзжающихъ, рѣшено было устроить полковые сборы, чтобы дать возможность приступить къ серьезнымъ строевымъ занятіямъ, необходимость которыхъ въ полкахъ обуславливалась значительнымъ числомъ рекрутовъ и молодыхъ солдатъ, переведенныхъ изъ резервовъ во время кампаніи.

Съ этою цѣлью, Новороссійскій драгунскій полкъ, разбросанный по тремъ уѣздамъ (**), сосредоточенъ былъ въ Кѣльце, и, переживавъ въ окрестностяхъ этого города, получилъ приказаніе передвинуться съ весною изъ царства Польскаго на постоянныя квартиры въ г. Переяславъ, Полтавской губерніи.

Обратный походъ по царству Польскому не представлялъ для насъ ничего интереснаго. Люблинская губернія, по которой мы шли, тоже что Радомская, а Радомскую, во время минувшей кампаніи, мы исходили вдоль и поперекъ. Впечатлѣніе, произведенное на край усмиреніемъ мятежа, было еще свѣжо, а потому помѣщики встрѣчали насъ вездѣ съ наружною покорностью; но безземельная, безшабашная шляхта никакъ не могла удержаться отъ радости при видѣ войскъ, удалявшихся въ глубь ненавистной имъ Московіи. Радость эта въ нѣкоторыхъ случаяхъ простиралась до ребяческой наивности. Одинъ уланскій офицеръ разсказываетъ, что уличные лобусы, при выходѣ изъ Красностава улановъ, бѣжа за ними кричали, «что народова я справа выгрѣна, и что москалей выпендзили до дому». Разувѣрять ихъ конечно никто не имѣлъ ни охоты, ни времени.

(*) Потеря показана приблизительно; на самомъ дѣлѣ она была нѣсколько значительнѣе.

(**) Кѣлецкому, Сандомирскому и Ольшутско му.

Чтобы покончить съ полянами, расскажу анекдотъ, случившійся съ нами, во время пути, гдѣ-то между Люблиномъ и Устатугомъ.

Однажды, для дневки полка, назначена была маршрутомъ такая деревня, которой въ наличности не оказалось, или, лучше сказать, оказалось, что эта деревня вся состояла изъ одной почтовой станціи, всегда и вездѣ по закону освобождаемой отъ военнаго постоя (*). Чтобы вывести полкъ изъ затруднительнаго положенія, мѣстное начальство указало намъ другую деревню, лежавшую въ сторонѣ отъ большой дороги, куда мы нагрянули неожиданно—негаданно, какъ снѣгъ на голову. Помѣщика не было дома, но жена его охотно уступила намъ въ домѣ одну небольшую комнату. Мы уже расположились обѣдать, какъ вдругъ дверь растворилась и на порогѣ явился какой-то господинъ съ такою расстрепанною и свирѣпою физиономіею, что мы невольно двинулись къ нему на встрѣчу. Господинъ объявилъ, что онъ помѣщикъ, «дѣдичъ», и крайне удивленъ, находя свой властный домъ занятымъ московскими солдатами. Этого конечно было довольно, чтобы дѣдичъ въ ту же самую минуту кувшиномъ полетѣлъ изъ «своего властнаго покою». Но дѣло тѣмъ не кончилось. Къ вечеру дверь отворилась снова и дѣдичъ—на этотъ разъ уже причесанный и приодѣтый—явился съ извиненіемъ и выказалъ столько мягкости и граціозности въ своихъ движеніяхъ, что ежели-бы не предшествовавшее событіе, то мы не премѣнно отнесли-бы его къ разряду «несомнѣнно обладающихъ свѣтскими манерами», фраза, бывшая у насъ въ ходу по отношенію къ людямъ, желавшимъ играть роль всевозможныхъ свѣтскихъ онагровъ....

Извинившись, что давеча влетѣлъ, «якъ бомба», панъ въ соникѣ предложилъ намъ угощеніе, состоявшее изъ жидкаго кофе. Мы отказались. Озадаченный панъ предложилъ «гербатки» (чаю). Гербатку постигла та же самая участь. «Такъ, може, вудечью»—настаивалъ панъ и совершенно фамиліарно дотронулся уже до плеча одного изъ офицеровъ; тотъ отодвинулся, а мы отказались и отъ «вудечьи». Не зная, съ какой стороны подѣхать, панъ зашагалъ въ раздумьѣ по комнатѣ

(*) Это не покажется страннымъ тѣмъ, кто на дѣлѣ знаетъ, какъ составляются наши маршруты. Въ томъ же походѣ произошелъ съ нами слѣдующій казусъ: въ одномъ переходѣ отъ Житомира, полку назначена была для ночлега деревня, названіе которой не помню: положимъ К*. Каково же было удивленіе квартир-герцовъ, когда они узнали, что К* лежитъ въ 30 верстахъ по ту сторону города. Если бы мы буквально придерживались маршрута, то сдѣлали бы въ этотъ день чуть не 90 верстъ для того, чтобы на слѣдующее утро по той же дорогѣ вернуться въ Житомиръ, а на третье снова перейти въ Березоку, отстоящую отъ К* всего на четыре версты.

и вдругъ объявилъ: «такъ, може, заграмы пулѣчку» — и на отказъ поспѣшилъ добавить: «такъ, може, штосикъ!» Но здѣсь мы потеряли терпѣніе и, видя, что предложеніямъ изобрѣтательнаго нана не будетъ конца, попросили его убираться. Панъ заупрямился; на шумъ явилась жена и между ними произошло домашнее Бородино, окончившееся тѣмъ, что добродѣтель, къ нашему удовольствію, восторжествовала, а пороки были примѣрно наказаны.... И все это не фарсъ, а истинное преществіе, и дѣлалъ это не какой-нибудь жонца, воспитывавшійся на мѣдныхъ деньгахъ, а родовитый шляхтичъ, владеющій огромнымъ имѣніемъ, съ двумястами тысячъ годоваго дохода... Вотъ вамъ и прославленная польская цивилизація!

9-го мая весь полкъ собрался на берегу Буга. День былъ прекрасный; солнце свѣтило ярко и весело; но еще отраднѣе и веселѣе было на душѣ у каждаго. Эскадроны переправлялись быстро и оставались въ Устилугѣ пить водку. Трубачи играли какую-то веселую польку; пѣсенники пѣли: «Сторона-ль моя, сторонущка». Съ какими теплыми чувствами крестились солдаты, ступая на родимую землю! Враждебный край остался за нами, и все, что такъ занимало насъ, мучило, доставляло радости и огорченія — все это отодвинулось на задній планъ, въ область смутныхъ, но дорогихъ воспоминаній. Первый предметъ, попавшійся намъ въ глаза на родинѣ, еще болѣе расположилъ всѣхъ въ общей веселости: это была фигура еврея, гордо, съ сознаниемъ собственного достоинства, стоявшаго на берегу и слѣдившаго за нашею переправкою. На головѣ еврея была лохматая шапка, изъ-подъ которой выбивались пейсы, на ногахъ туфли-шлепанцы, на туловищѣ черная, лоснящаяся отъ жиру хламиде, подпоясанная форменною драгунскою шапкою. Последнее обстоятельство естественно вызвало градъ насмѣшекъ со стороны проходившихъ эскадроновъ. Многие приняли еврея за шута; но оказалось, что этотъ шутъ былъ, въ нѣкоторомъ родѣ, русскій чиновникъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, рекомендовали его устилугскія власти. Спѣшу прибавить, что еврей-чиновникъ не былъ чиновникъ коронный, а просто содержался тутъ отъ аццанскаго управленія для наблюденія, чтобы вода не гуляла съ русской стороны на польскую и съ польской на русскую; шапка же означала отправление симъ чиновникомъ своей служебной обязанности.

Отъ Устилуга мы пошли по Волинской губерніи; но, правду сказать, на этотъ разъ, кромѣ живописныхъ мѣстоположеній, представляемыхъ на каждомъ шагѣ роскошною природою, любоваться было нечѣмъ. Большая часть имѣній разорена восстаніемъ; помѣщики со-

славы и пустыне дома ихъ стояли съ заключенными наглухо окнами. Польскій элементъ пустилъ въ этомъ краѣ глубокіе корни. Въ самомъ говорѣ коренныхъ русскихъ жителей насъ поражаетъ сперва малороссійскій акцентъ, но, вслушавшись въ него, убѣждаешься съ горечью, что это тотъ же польскій языкъ, только съ приѣмомъ словъ малороссійскихъ и русскихъ. Таковы слѣды религіозной пропаганды католицизма—уніи. Здѣшніе жители почти поголовно были уніатами и, можетъ быть, потому мы и встрѣчали въ большихъ деревняхъ, населенныхъ одними православными, бѣдныя, полуразвалившіяся церкви и, рядомъ съ ними, богатые костелы, на которые прихожанами приходилось два, три окрестныхъ помѣщика. Однажды, проходя черезъ такую деревню, мы были поражены звуками весьма недурнаго органа. Подковой командиръ, со всѣми офицерами, завернулъ въ костелъ. Отправлялась месса; ее совершалъ ксендзь со всею церемоніальною обстановкою католическаго служенія; органъ вторилъ его молитвамъ, а между тѣмъ, кромѣ насъ, случайныхъ посѣтителей, въ храмѣ не было ни одного молящійся. Зачѣмъ же существуютъ костелы, когда православный священникъ не можетъ совершать литургію «за ветхостью храма, грозящаго ежеминутно разрушеніемъ?»

Съ стѣсненнымъ сердцемъ оставили мы за собою Волюнь и перешли въ Кіевскую губернію, гдѣ такъ же, какъ и во всемъ юго-западномъ краѣ, варшавскіе беспорядки нашли отголосокъ и вызвали нѣкоторое движеніе. Намъ говорили, что катастрофу предвидѣли давно, ее ожидали, и, все-таки, не успѣли принять своевременныхъ мѣръ, чтобы остановить возстаніе, которое подавили крестьяне, и подавили такъ быстро, что мятежъ, долго и систематически подготовлявшійся здѣсь полонофилами, продолжался не болѣе одной недѣли. Не сказались ли въ этомъ обстоятельстве и гонимое народомъ, и политическія убѣжденія его относительно Россіи и такъ называемаго царства Польскаго?...

Нѣкоторые опасались, чтобы народное движеніе противъ поляковъ не приняло опаснаго характера возстанія низшаго класса противъ высшаго; но такія опасенія были напрасны, потому что крестьяне относились къ полякамъ, какъ взрослые относятся къ школьникамъ, и не упускали случая, такъ или иначе, подтрунить надъ ихъ затѣями. Опередивъ полкъ и подѣваяя къ Кіеву вечеромъ на обывательской подводѣ, я началъ спрашивать подводашника о городѣ, въ которомъ до тѣхъ поръ никогда не былъ.

— А вотъ университетъ! сказалъ мнѣ возница, указывая на

темное здание, стоявшее подъ городомъ и скучно-освѣщенное нѣсколькими фонарями.

— Какой университетъ? Вѣдь университетъ въ городѣ?

— Да то университетъ св. Владимира.

— А этогъ какой же?

— А это тюремный, гдѣ учатъ поляковъ, пояснилъ онъ, самъ засмѣявшись надъ своею острою.

Въ Кіевѣ мы слышали нѣкоторыя подробности о военныхъ дѣйствіяхъ нашего резервнаго дивизіона, съ которыми не выдалось со времени выступленія въ походъ.

Война застала наши резервы въ Волынской губерніи, гдѣ они нѣкоторое время должны были содержать разъѣзды по обомъ берегамъ Буга; но такъ какъ это отнимало всякую возможность заниматься съ рекрутами и молодыми лошадами, то въ половинѣ апрѣля дивизіонъ получилъ приказаніе перейти въ Кіевскую губернію. Квартыры назначены были въ г. Липовцѣ; но едва дивизіонъ вступилъ въ Липовецкій уѣздъ, какъ очутился опять въ районѣ военныхъ дѣйствій, потому что кругомъ ходили вооруженныя шайки. 2-го мая, въ самомъ Липовцѣ поднялась страшная тревога, вслѣдствіе извѣстія, что огромная шайка приближается къ городу. Такъ какъ полиція, чиновники, жители — все пришло въ неописанное смятеніе, то полковникъ Парчевскій (*) тотчасъ составилъ сводный дивизіонъ (эскадронъ новороссійцевъ и эскадронъ екатеринославцевъ, квартировавшихъ въ томъ же самомъ городѣ) и, подъ командою майора Фролова, выслалъ его на встрѣчу непріятеля.

3-го мая, около селенія Буган, Фроловъ настигнулъ партію, которая развернутымъ фронтомъ, силою въ два эскадрона, стояла на небольшой полянѣ, имѣя обозъ вытянутымъ далѣе къ м. Погребичу, имѣнію графа Ржевускаго. Матаежники сидѣли на славныхъ коняхъ и были вооружены пиками съ флягерами—маляновый цвѣтъ съ бѣлымъ. Въ это время къ намъ подошли двѣ роты Кременчугскаго полка, прибывшія изъ Бердичева, и тотчасъ открыли огонь; но инсургенты, стройно захвавъ навадъ, рысью вышли изъ—подъ выстрѣловъ, и снова остановились. Тогда майоръ Фроловъ, опасаясь, чтобы матаежники, отступая такимъ образомъ, не достигли лѣса, гдѣ могли разсѣяться, выдвинулъ впередъ свой дивизіонъ. Одинъ эскадронъ поветавцевъ, наклонивъ пики, тотчасъ пошелъ въ атаку и былъ встрѣченъ 5-мъ эскадрономъ новороссійцевъ (**); въ то же

(*) Командиръ резервнаго дивизіона Новороссійскаго драгунскаго полка.

(**) Подъ командою капитана Богданова.

время екатеринославцы (*) ударили на тѣхъ, которые стояли еще на мѣстѣ. Обѣ стороны атаковали лихо; ряды перемѣшались и бой, рѣдкій при кавалерійскихъ схваткахъ, продолжался около получаса; но, наконецъ, непріятель, оставивъ на мѣстѣ болѣе сорока иструбленыхъ тѣлъ, обратился въ бѣгство (**).

Преслѣдуя мятежниковъ, новороссійцы отбили знамя, захватили обозъ и взяли въ плѣнъ двухъ предводителей, помѣщиковъ Подгѣскаго и Крыжановскаго. Но главнымъ результатомъ боя было нравственное впечатлѣніе на мѣстныхъ поляковъ, которые съ ужасомъ узнали объ истребленіи шайки, составленной изъ людей, принадлежавшихъ, по большей части, мѣстнымъ аристократическимъ фамиліямъ (***)

Въ Кіевѣ Новороссійскій полкъ былъ осмотрѣнъ главнымъ начальникомъ ярая, генералъ-адъютантомъ Безакомъ, и 10-го іюня выступилъ по дорогѣ на г. Переславъ....

Прежде чѣмъ окончить мои походныя записки, я позволю себѣ сдѣлать нѣсколько бѣглыхъ замѣтокъ въ защиту драгуновъ, о которыхъ, въ послѣднее время, начало высказываться у насъ мнѣніе, будто они, какъ спѣшная кавалерія для замѣны пѣхоты, не въ состояніи оправдать цѣли своего учрежденія.

Удивительно, что находятся люди, которые до сихъ поръ смотрятъ на драгуновъ какъ на войско, посаженное на коней, съ единственною цѣлью быстраго передвиженія, для дѣйствія пѣшкомъ. Этотъ фальшивый взглядъ, выработанный чуть-ли не системою тридцатыхъ годовъ, давно уже измѣнившейся подъ вліяніемъ новыхъ идей, внесенныхъ въ сферу военной науки и поназавшихъ намъ всю ея несостоятельность, въ наше время можетъ служить доказательствомъ развѣ только одной упорной закоренѣлости убѣжденій.

Назначеніе драгуновъ не заключается въ исключительномъ дѣйствіи противъ линейной пѣхоты, потому что драгуны не пѣхота, посаженная на коней, а летучая конница, которая находитъ сама въ себѣ достаточную долю самостоятельности, чтобы, въ случаѣ

(*) Подъ командою капитана Тихоцкаго.

(**) Съ нашей стороны, въ Екатеринославскомъ ескадронѣ убиты ударомъ пика поручикъ Черешневъ и трое нижнихъ чиновъ; въ Новороссійскомъ, ранены штабсъ-капитанъ Чечель—саблемъ въ голову—и три драгуна. Майоръ Фроловъ и капитанъ Богдановъ, нѣсколько разъ оружаемые непріятелемъ и нѣсколько разъ вручаемые драгунами, отдѣлялись незначительными контузіями.

(***) Даже рядовыми въ этой шайкѣ служили отставные охотеры и богатые помѣщики.

нужды, обойтись безъ посторонней помощи, чего не можетъ дѣлать прочая кавалерія.

Было время, когда на драгуновъ смотрѣли какъ на конницу тяжелую; но причислять ихъ къ этому разряду и теперь намъ кажется было-бы неппростительною ошибкою, потому что мы, помимо историческихъ преданій, не видимъ существенной разницы между гусарами, уланами и драгунами. Въ сапогахъ дѣлѣ, людяхъ и лошадыми они снабжаются одинаковыми; сѣдельный вьюкъ ихъ одинъ и тотъ же; амуниція драгуновъ не тяжелѣе, а вооруженіе если не легче, то гораздо удобнѣе. Вся разница заключается въ ружьѣ, которое драгунъ возитъ за спиною, и которое, по мнѣнію нѣкоторыхъ, какъ элементъ пѣхотный, не можетъ быть принадлежностію легкаго кавалериста. Не отсюда же взялось подобное болѣе нежели странное убѣжденіе? Непроще-ли придти къ сознанию, что безъ ружья въ наше время не можетъ быть война, и что легчайшая въ мѣрѣ конница, каковы наши кавказскіе линейцы, горцы и арабы, всегда имѣли ружья. Неужели изъ личнаго предубѣжденія къ винтовкѣ станутъ отрицать и въ нихъ духъ вѣковаго наѣздничества?

Признаюсь, мы въ подобномъ отрицаніи ничего не понимаемъ и потому-то, можетъ быть, продолжаемъ смотрѣть на драгуновъ иначе.

Мы убѣждены, напримѣръ, что главный элементъ ихъ—конь и шашка, а пудя и штыкъ—оружіе второстепенное; но какъ первое пріобрѣтаетъ драгунамъ славу пораженіемъ непріятеля лихою атакою, такъ второе, кромѣ того, даетъ еще возможность, въ случаѣ нужды, выйдти самимъ изъ затрудненія—отраженіемъ. Нападать можетъ вся кавалерія; обороняться—одни драгуны. И послѣ этого на какомъ же основаніи говорить о ихъ бесполезности? Не отвергаютъ ли противники драгуновъ вовсе для кавалеріи необходимость обороны, слѣдовательно и спѣшиванія? Въ такомъ случаѣ зачѣмъ же утверждать, что спѣшиваніе можетъ встрѣтиться только въ партизанской войнѣ? Да развѣ есть война безъ войны партизанской, особенно въ наше время, когда кавалерія массами дѣйствовать почти не можетъ, потому что ей препятствуютъ, ее тѣснятъ быстро развивающіяся повсюду промышленность и земледѣліе, которыя широко и привольно раскидываются по лицу земли, куда только можетъ достать глазъ и плугъ земледѣльца. И вотъ эти-то продолжныя гряды, эти широкія канавы, какъ въ другомъ краѣ громадные скалы и вѣковыя дѣбри, заставляютъ кавалерію не разъ прибѣгать къ пѣшему строю. Это знаетъ всякій, кто бывалъ на Кавказѣ и въ царствѣ Польскомъ.

Имѣ скажутъ, что кампанія противъ польскихъ мятежниковъ кампанія исключительная; можетъ быть ее не захотятъ даже называть кампанією. Съ этимъ также нельзя согласиться (*). Если могутъ быть различны самыя условія, сопровождающія тѣ или другія войны, то мѣстность остается неизмѣнною.

Въ каждой войнѣ бывають тысячи случаевъ, гдѣ кавалерійскіе полки высылаются для самостоятельнаго дѣйствія: сюда относятся и партизанскіе набѣги, и дальніе поиски, и рекогносцировки, въ районѣ занятомъ непріятелемъ. Если при этомъ мѣстность выпадаетъ гористая, или покрытая лѣсами и болотами, то кавалерія, по необходимости, утрачиваетъ значительную долю своей самостоятельности, и въ такихъ случаяхъ встрѣчается надобность придавать ей небольшія части пѣхоты, которыя своею оборонительною силою должны дополнить весьма чувствительный недостатокъ кавалеріи, могущей дѣйствовать только нападеніемъ. Однимъ драгунамъ, въ подобныхъ случаяхъ, не нужно посторонней помощи: съ равнымъ успѣхомъ они могутъ нападать и обороняться, потому что въ рядахъ своихъ имѣють отличныхъ стрѣльцовъ, незнающихъ утомленія, не обременяющихъ отряда ни тяжелымъ обозомъ, ни лишними лошадьми, необходимыми, при быстрыхъ передвиженіяхъ, для пѣхоты (**).

Если обратиться къ фактамъ, то можно привести много эпизодовъ славнаго спѣшванія драгуновъ: служба нижегородцевъ на Кавказѣ, новороссійцевъ и екатеринославцевъ въ царствѣ Польскомъ представляютъ непрерывную цѣнь дѣйствій подобнаго рода. По призыву линейцевъ, спѣшвавшихся съ Брюновскимъ подъ Бенешевскою станціею, съ Сусловымъ при Амиръ-Аджи-Юртѣ, и съ Граббе въ Сендзювицахъ—драгуны способны постоять за себя въ критическую минуту.

Тѣ же, кто говоритъ о бесполезности драгуновъ, основываясь

(*) Тѣ ошибаются, которые думаютъ, что при послѣднемъ восстаніи въ царствѣ Польскомъ мы имѣли дѣло съ одною тѣмъ называемою рухавкою. Здѣсь были революціонеры всѣхъ степеней, встрѣчались люди отчаянные, которые охотнѣе лишили себя жизни, чѣмъ бросали оружіе. Не опасаясь ослабить свое достоинство, отдадимъ справедливость непріятелю: во многихъ дѣлахъ онъ дрался съ геройскою рѣшимостью, и его неудачи служатъ только новымъ доказательствомъ преимущества регулярнаго войска надъ отчаянными, но неустроенными полчищами.

(**) Намъ кажется, что, при подобныхъ дѣйствіяхъ, пѣхотинцы, посаженные на коней, по своей односторонности не могли бы вполне замѣнить драгуновъ, хотя бы потому уже, что подобная пѣхота не могла бы быть придана къ отряду каваче, какъ въ ущербъ численности кавалеріи.

только на томъ, что въ полевомъ сраженіи имъ будто-бы не представлялось еще случая примѣнять къ дѣлу спѣшиванія свое прекрасное наръвное ружье, тѣ незнакомы съ военною исторією, или не хотятъ понять сущности дѣла.

Оспаривать подобнаго рода подвигъ со стороны драгуновъ, значитъ не допускать возможности недостатка съ нашей стороны пѣхоты, или невозможности скорого прибытія ея къ угрожаемому пункту. Иначе какую пользу могутъ принести двѣсти, или триста спѣшенныхъ кавалеристовъ тамъ, гдѣ дерутся тысячи? Стало быть, ежели драгунамъ приходится спѣшиваться для боя съ линейною пѣхотою, то это только какъ исключеніе, потому что самые случаи подобнаго рода уже исключеніе изъ общаго правила.

Послѣ карскаго приступа, тверцы, выдвинутыя впередъ для прикрытія отступавшей колонны генерала Базина, принуждены были спѣшить два дивизиона, которые мѣткимъ огнемъ осадили густую цѣпь непріятельскихъ итудерниковъ. Были и другіе случаи, но мы на нихъ не укажемъ, полагая, что они знакомы нашимъ военнымъ читателямъ.

Переходя къ другому предмету, чтобы посмотрѣть на драгуновъ исключительно какъ на кавалерію, прежде всего остановимся на мнѣніи генерала Саена, который говорить, что драгуны въ конномъ строю ниже кавалерія, а въ пѣшемъ ниже пѣхоты (*).

Что драгуны въ конномъ строю, какъ въ мирное, такъ и въ военное время, всегда превосходили прочую кавалерію, это мы знаемъ по блистательному состоянію и боевымъ подвигамъ полковъ драгунскаго корпуса, которые, можно сказать, поддержали въ минувшую войну честь русской кавалеріи. Теоретически возражать, что уланы и гусары имѣютъ существенное преимущество передъ драгунами—и укажутъ на пики. Но вопросъ: что лучше для кавалеріи пика или сабля? вопросъ, по меньшей мѣрѣ, спорный, и если мы обратимся къ опыту минувшихъ войнъ, то увидимъ, что лучшая эпоха нашей кавалеріи относится, конечно, къ великимъ наполеоновскимъ войнамъ, когда кавалерія, преимущественно состоявшая изъ гусарскихъ и драгунскихъ полковъ, рубилась только саблями и знать не хотѣла пики. Что же касается до нашихъ уланскихъ полковъ, то слава петербургцевъ, курляндцевъ, харьковцевъ, смоленцевъ, равно и псковскихъ кирасировъ, относятся также къ былымъ временамъ, когда полки эти были драгунскими.

А первый ударъ? а моральное вліяніе пики на противника?... Но

(*) „Военный Сборникъ“ 1862 года, № 7, стр. 41. „Мысли о драгунахъ“.

позвольте: мы не совсѣмъ понимаемъ, почему пика можетъ играть первостепенную роль при первомъ ударѣ. Что касается до перваго удара, то сколько-бы ни ломали головы надъ этимъ вопросомъ, разрѣшеніе его всегда будетъ заключаться въ быстротѣ движенія и въ плотности фронта. Чѣмъ плотнѣе тѣло, чѣмъ быстрѣе оно движется, тѣмъ сильнѣе ударъ его—это законъ физическій, который, будучи примененъ къ кавалерійской атакѣ, такъ удачно выраженъ словами Бсауда: «чьи кони пущены шибче, чьи всадники очертили голову рѣшительнѣе—тотъ и побѣдетъ!».

Одинъ изъ боевыхъ кавказскихъ штабъ-офицеровъ, на вопросъ генерала Муравьева: какое оружіе онъ считаетъ болѣе дѣйствительнымъ для кавалеріи—отвѣчалъ: «лошадь». Мнѣніе совершенно вѣрное: пика и сабля вступаютъ въ дѣло тогда, когда конь своєю грудью разорветъ уже сплоченные ряды непріятеля, а въ рукопашной свалкѣ все преимущество на сторонѣ сабли, ибо она быстро наноситъ и быстро отражаетъ удары во все стороны, тогда какъ этого нельзя ожидать и требовать отъ пика.

Другое дѣло нравственное впечатлѣніе, которое можетъ произвести фронтъ, вооруженный пиками: оно дѣйствительно существуетъ; но оно дѣйствуетъ сильно на необстрѣленное войско; бывалый же полкъ не дрогнетъ передъ этимъ мнимо-грознымъ оружіемъ. Вообще, не порицая пика безусловно, мы не придаемъ ей однако и особеннаго значенія, а, не придавая его, нельзя не согласиться, что драгуны и безъ этого вооруженія имѣютъ полное право занять блистательное мѣсто въ ряду нашей кавалеріи, особенно послѣ такого экзамена, какой былъ заданъ имъ на поляхъ Башь-Кадикъ-Дара и Брююкъ-Дара.

Передъ нами два мнѣнія объ общемъ преобразованіи кавалеріи. Цѣль ихъ одна—упраздненіе драгуновъ, но способы достиженія различны, какъ различны, повидимому, взгляды и характеры ихъ авторовъ.

Одинъ, сознавая пользу, которую приносятъ самостоятельность драгунскаго вооруженія, полагаетъ полезнымъ, упразднивъ драгуновъ, какъ отдѣльный родъ войска, вооружить всю заднюю шеренгу нашей кавалеріи нѣрвными ружьями и ввести въ полкахъ уставъ о спѣшиваніи (*).

Другой, не видя, напротивъ, никакой цѣли въ томъ или въ дру-

(*) Жаль только, что при подобной организаціи будутъ спѣшиваться не двѣ трети, а только половина кавалерійскаго строя, что, при дѣйствіи незначительной частію, напримѣръ однимъ эскадрономъ, будетъ весьма ощутительно.

гошь видѣ существованія драгуновъ, желаетъ совершеннаго расформированія ихъ, съ тѣмъ чтобы усилились уланскіе и гусарскіе полки двумя фланговыми стрѣлковыми эскадронами (*). Это будутъ тѣ же драгуны; но въ такомъ случаѣ, испытавъ крайность группированія ихъ въ одну массу, зачѣмъ переходить къ другой, и испытывать ихъ раздробленіе? Все это способно только усложнить, а не упростить дѣло. Намъ кажется (говоримъ это, основываясь на боевомъ опытѣ), что настоящая организація драгуновъ, за исключеніемъ общаго недостатка—слабаве состава полковъ по числу эскадроновъ—весьма удовлетворительна, и остается пожелать только, чтобы, въ виду двойной службы драгунскаго солдата, было обращено вниманіе на укомплектованіе ихъ людьми съ большою разборчивостью, чѣмъ это производится нынѣ.

Что касается до одежды и вооруженія, то нынѣшнее обмундированіе драгуна, пригонка на немъ амуниціи и вооруженія такъ хороши и удобны, что всякое измѣненіе въ нихъ едва-ли можетъ принести какую-нибудь пользу. Желательно было бы только, чтобы ружье надѣвалось не черезъ правое, а черезъ лѣвое плечо (**), что, не представляя никакого стѣсненія, имѣетъ ту громадную выгоду, что на быстрыхъ аллюрахъ солдатъ можетъ поддерживать его правою рукою. Въ послѣднюю польскую кампанію, драгуны дошли до этого опытомъ, и не носили ружей иначе, въ чемъ, разумѣется, имъ не препятствовали.

Въ заключеніе скажемъ, что было время—и мы его помнимъ—когда солдатъ тяготился и ружьемъ и драгунскою службою; но это было тогда, когда безъ толку и по пяти часовъ сряду держали его на баталіонномъ ученѣ. Теперь приготовленіе драгуна къ пѣшему строю ведется вполне рационально, и такъ неутомительно, что солдатъ не только пересталъ тяготиться своею двойною службою, а—говоримъ по опыту—любитъ ружье и сознательно гордится славнымъ именемъ драгуна.

(*) Записка, поданая покойнымъ генераломъ Дауницемъ въ спеціальный кавалерійскій комитетъ объ упраздненіи драгуновъ.

(**) Такъ носить ружья мусульмане нашихъ закавказскихъ провинцій и на скаку снимаютъ ихъ черезъ голову, что дѣлаютъ весьма ловко, не смотря на высоту своихъ, остроконечныхъ папахъ.

Почто.